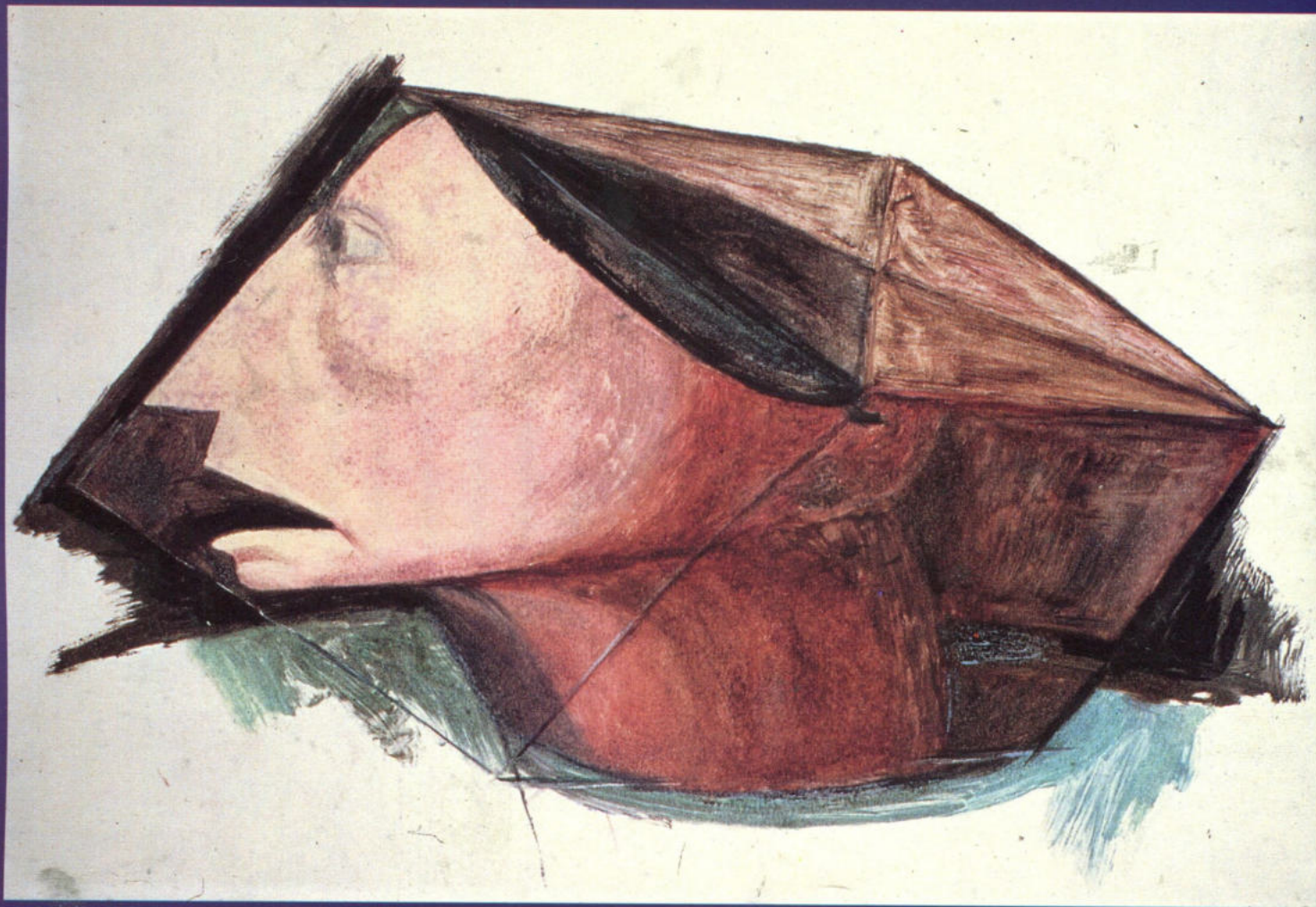

ИНТЕРВЬЮ С
СЕМБЕНОМ УСМАНОМ

встреча культур

Дорогие читатели! Просим вас присылать нам фотографии произведений, достойных, с вашей точки зрения, публикации на этой странице. Это могут быть произведения живописи или скульптуры, фрагменты памятников архитектуры или любые другие объекты, которые служат примером слияния культур. Вы можете также присылать фотографии двух произведений искусства разных культурных ареалов, между которыми, на ваш взгляд, существует связь или сходство. Просим снабжать фотографии подписями.

«Вестник»

1980 г., монотипия маслом (40×35 см)

Художник Делия Нимо

Французский критик Мишель Кониль-Лякост сказал о произведениях аргентинской художницы Делии Нимо, что это «рентгеновские снимки людей, привязанных к своей судьбе». Разнообразие истоков творчества Делии Нимо определило ее поиски всеобщности в искусстве. Как сказала художница, центральная тема ее работ — «человек, который не в ладах с окружающим миром».

9

ДЕНЬГИ

КАК РОЖДАЛИСЬ ДЕНЬГИ

Жан-Мишель Серве

10

ДРАГОЦЕННЫЕ БОБЫ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ

Пьеро Пенниче Риверо

16

МОРСКАЯ КАЗНА

А. Феликс Ироко

21

ДИНАРЫ ХАЛИФОВ

Жерар Кребс

26

ДЕЛЬЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Люсьен Жийяр

32

ВОЗВЫШЕНИЕ ДОЛЛАРА

Ян А. Кригел

37

ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ ДЕНЕГ

Гислен Делеплас

41

Научный консультант номера: Мари-Тереза Буайе-Ксамбе, французский экономист, преподаватель экономики в Университете Париж VII.

4

Интервью с СЕМБЕНОМ УСМАНОМ

Поэт африканского кино

45

КОРОТКО О РАЗНОМ...

46

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Борьба света и тьмы
Абдул-Хуссейн Зафринкуб

Карнавал в Луанде
Домингуш Ван-Дунем

49

ВЕХИ

Музей мира в Нормандии
Говард Брабин

50

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

1-я с. обл.: деньги разных эпох
(Музей денег в Париже).

4-я с. обл.: в Сингапуре на похоронах и в первый день Нового года вместо искупительного жертвоприношения сжигают пачки искусственных банкнот.

Сегодня не осталось неисследованных континентов, неизвестных морей и таинственных островов. Мы научились преодолевать физические препятствия, стоящие на нашем пути, но не разрушены еще барьеры взаимной отчужденности, разъединяющие народы и культуры. Современным одиссеям доступен любой уголок света. Но ныне гораздо сильнее манят путешествия иного рода — в мир других культур, жизненных укладов и ценностей. Именно в такое путешествие приглашает своих читателей «Курьер ЮНЕСКО». В каждом номере авторы из разных стран будут освещать с различных культурных и профессиональных точек зрения одну из тем, представляющих всеобщий интерес. Компасом в этом странствии по культурам мира будет уважение ко всем народам.

Сембен Усман

Поэт африканского кино

Сембен Усман — один из крупнейших африканских писателей и кинорежиссеров. Его фильм «Бором Сарет» (1963) — первый художественный фильм, снятый африканцем и ставший известным за пределами этого континента. Литературные произведения и фильмы Сембена Усмана знакомят с различными сторонами жизни Африки, освободившейся от колониального господства и преодолевающей трудности, которые встают на пути независимых государств.

Что значит быть кинематографистом в Африке сегодня? Какие надежды, трудности, проблемы ожидают его на этом пути?

— Африканский кинематографист, работает ли он в кино или на телевидении, черпает вдохновение из древней, но вечно живой устной традиции. Зрительный образ в соединении с устным словом воздействует на людей, которые — в странах «третьего мира», и в частности в Африке, — не умеют читать или не имеют на это времени. А визуальный образ — кратчайший путь к познанию.

Возьмем такой пример. Я люблю ездить с кинопередвижкой по деревням и показывать фильм, а потом я приглашаю местных жителей обсудить его. И потому, как они восприняли увиденное, что запомнили, я как создатель картины сужу о своем успехе. Зажигается свет, и начинаются споры — на площади, в школе... Забыты

политические разногласия, религиозные распри — все тут равны, каждый высказывает свою точку зрения. В этом вся суть.

И тогда я спрашиваю: «Зачем вам нужны художники?» Я задаю этот вопрос и преподавателям университета, и старшеклассникам. Ответы бывают разными. Так, некоторые представители нашей интеллигенции, особенно те, кого называют «ангажированными», ждут от художника предложений, решений, я бы даже сказал (не без иронии), рецептов революции. Послушать их, так искусство должно дать ответ на все их вопросы.

Значит, искусство не политика?

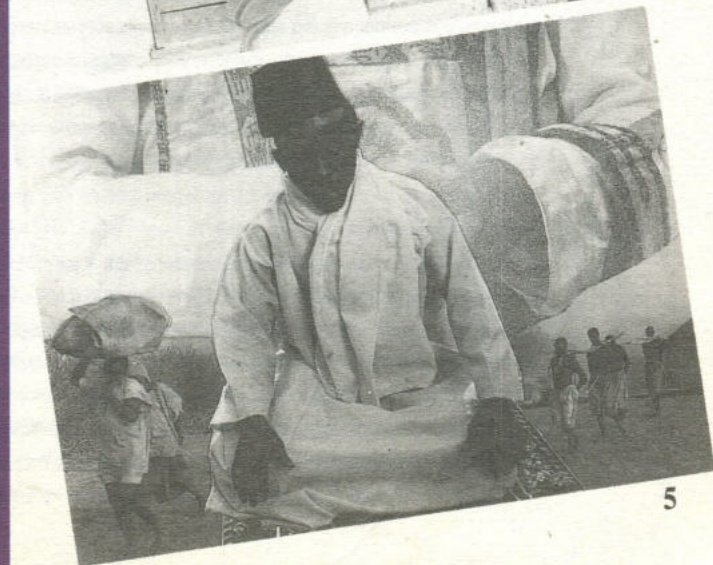
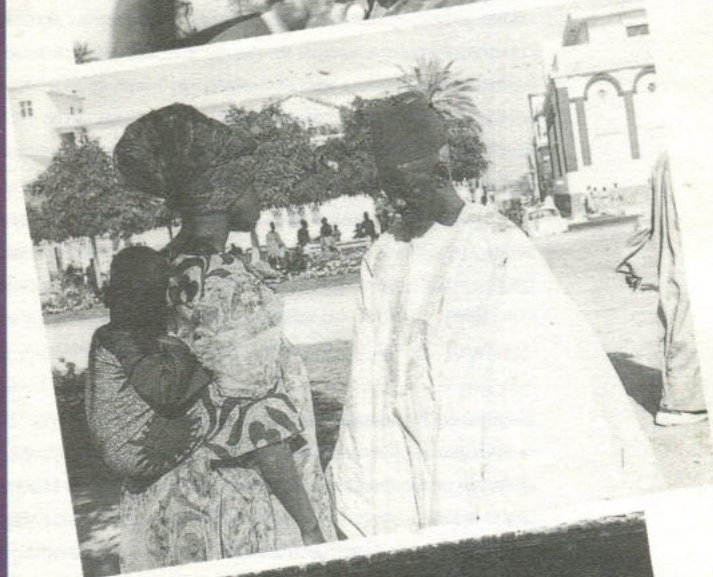
— Нет, искусство и есть политика. Конечно, не надо воспринимать это буквально, но оно играет определенную роль в политике. Разве искусство и культура не окружают человека от рождения до смерти, с пеленок до могилы? И потому в Африке кино — это реальность, целиком поглощающая человека.

Таким африканское кино стало недавно или традиция уходит корнями в колониальное прошлое?

— Во времена колониализма кино служило развлечением для иностранцев. Мир чернокожих африканцев видели лишь в банановых плантациях и кокосовых пальмах, да в лице послушных боев и готовых пожертвовать собой слуг. А сегодня в африканском кино поднимаются серьезные проблемы. Правда, не всегда получается — тут уж ничего не поделаешь, — но все же это делается. И люди постепенно начинают ощущать себя частью своей истории, и кино становится чем-то реальным.

Считаете ли вы, что в сегодняшней Африке кино является самым мощным средством художественного выражения?

— Да, безусловно! Африканское кино — это вслушивание в самого себя. Есть множество вещей, о которых мы не знаем и которые можем потерять. Кино помогает сохранить и увидеть их.

Можно ли сказать то же самое о телевидении? Ведь его программы часто делаются в других странах, и даже не в африканских.

— Если по телевизору показывают футбольный матч, люди его смотрят, а если нет — идут в кино! Относительным успехом пользуются некоторые сериалы, но в конце концов они надоедают — все эти бесконечные накрученные интриги... За десять лет существования в Сенегале телевидения у нас показывали «Даллас», «Династию», «Чаку»...

А публике нравятся сериалы типа «Даллас»?

— Конечно! В них показаны благополучие и американский образ жизни: красивые женщины, роскошные интерьеры — все, что мы ненавидим, но о чем тем не менее мечтаем... Здесь логика не действует. В этих фильмах немало безнравственного, но ведь нравственность ценится теперь не так высоко, как личный успех. В колониальные времена земля была оккупирована, но души человеческие оставались свободными. Взять моих родственников — отца, дядей: ведь они были служащими администрации, носили пробковый шлем или галстук, но, возвращаясь домой, в семью, окунались в свою культуру, в свой мир. У них еще было что сказать женам, детям, соседям... А телевидение несет духовное порабощение. В наши дома приходит другая культура, насаждается иное восприятие мира. Рушится созданная предками модель общества. Ее подменяют суррогатом. Вот в чем опасность телевидения.

Но неужели это влияние целиком пагубное?

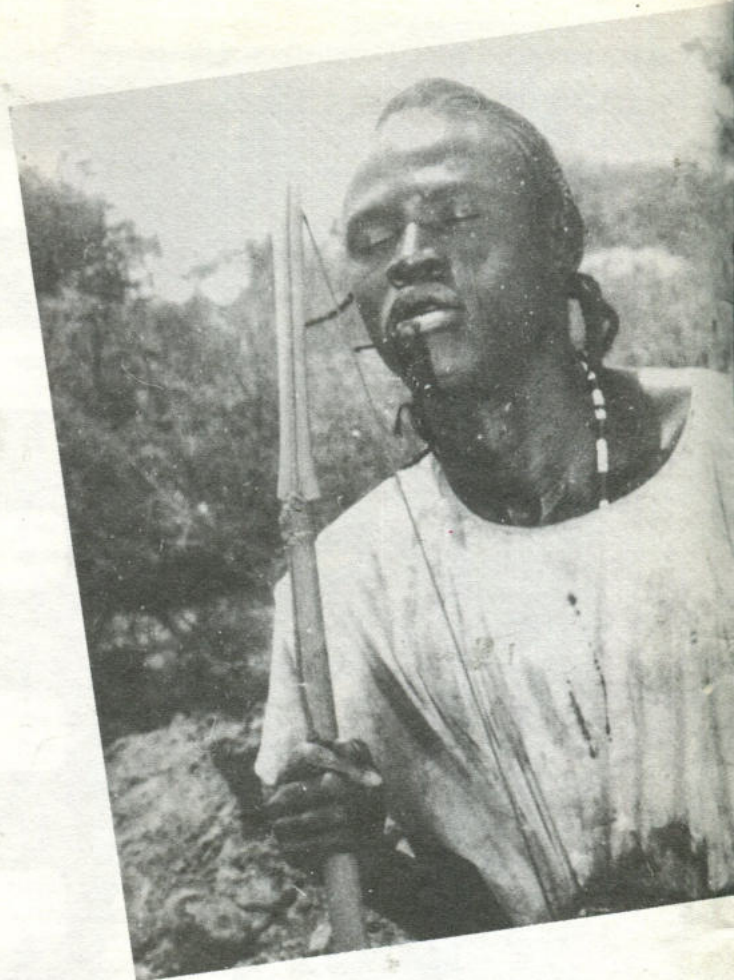
— Абсолютно. Оказавшись перед таким напором, африканское общество не в состоянии генерировать новую культуру. Мы лучше знаем сказки Перро, чем наши собственные. В городах уже не найти сказителей. Наши дети в школе познают науки на иностранном языке. А вернувшись домой, вместе с родителями смотрят сказки из чужой жизни.

Но общество нельзя повернуть вспять. Что же делать?

— Вы задаете мне тот же вопрос, что и мои сельские зрители, и я опять не знаю, как мне на него ответить. Но прежде всего необходимо, наверное, определить — для самих себя, — что же нам нужно? Естественно, все мы хотим личной свободы, но зачем она нам? Ведь есть страны, в которых три четверти детей не могут учиться. Если свирепствует безработица, если невозможно прокормить семью, если на вас обрушиваются стихийные бедствия... Зачем тогда свобода? Все дети рождаются в муках. Я не присутствовал при рождении мира, но когда Аллах его создавал, то был, несомненно, «большой взрыв», как принято теперь говорить. Да и может ли что-нибудь возникнуть без взрыва? Ведь жизнь возрождается из смерти. Брось семена на голую землю — они сгниют, а попадут в трещину — прорастут. По-другому не бывает. Для народа свобода — это право трудиться, право говорить своим голосом. И всем нам приходится за это сражаться, за это платить.

А что говорит народ?

— Народ ждет, чтобы кто-нибудь заговорил от его имени. Наследие Черной Африки — тяжелое бремя. Не успели мы когда-то приступить к созданию государств, самых примитивных и несовершенных, как на нас обрушилось рабство. Кстати, в работорговле участвовали и некоторые африканцы. Четыре-пять веков вожди чернокожих выступали пособниками этой чудовищной практики. А потом пришли колонизаторы. Это, быть может, худшее из того, что выпало на нашу долю. Они воспитали местные кадры, но только

для того, чтобы те выполняли второстепенные функции, о самоуправлении не было и речи. Колониальный хозяин, казалось, стал необходимостью! Наконец началась борьба за независимость. Мы не знали, как к ней подступиться, не знали самих себя. У нас была общая территория, но разные культуры. В рамках каждого географического региона сосуществовало множество культур. И теперь мы заняты созданием новой культуры, но делаем это на основе чужого языка. А это куда как серьезно!

Не в этом ли и должен сказать свое слово художник?

— Совершенно верно, здесь его роль чрезвычайно велика. Люди слушают его, ждут от него нужных слов. Никто из художников не несет такой ответственности перед историей, как писатель и кинематографист. Вспомните древнюю африканскую традицию бродячих певцов — гриотов. Все знают, что они часто «не от мира сего», но в каждой деревне был такой «дурачок», который не боялся во весь голос сказать то, о чем другие только шептались. Над ним посмеивались, но признавали его правоту.

Ну что ж — были гриоты, теперь есть художники и кинематографисты... Может быть, в такой преемственности традиции и заложена надежда? В конце концов, нельзя же думать, что из хаоса вдруг родится совершенная демократия...

— В условиях демократии слово за народом, а не за художником. Когда-то у нас царила власть старейшин и мудрецов. Теперь мир перевернулся, стариков не считают уже источником мудрости, их больше не слушают. Все, что говорят по радио, показывают по телевидению, пишут в газетах, — все это исходит не от них. Нарушена извечная связь, общество раскололось, и от этого можно в самом деле сойти с ума. Возможно, только сумасшедший и может быть счастлив сегодня.

Перед странами «третьего мира» стоят многочисленные проблемы. К кому вы себя относите: к тем, кто считает, что эти проблемы приходят главным образом извне, или к тем, кто думает, что они рождаются самим обществом?

— За пределами континента у нас есть как противники, так и союзники. Я бы сказал, что враги Африки, наши постоянные враги, — внутри нашего общества. Если мы хотим двигаться вперед, нам нужно разобраться в собственных делах и полагаться прежде всего на собственные силы. У нас, по существу, три главные задачи: нужно устранить навалившиеся на нас беды своими средствами, как бы скромны они ни были, обеспечить развитие образования, дать людям работу.

А свобода слова?

— Слово в Африке — это долг, обязанность настоящего человека. В старину глава каждой семьи обязан был принимать участие в сельском сходе («палавере»), представляя своих домочадцев. И он должен был высказывать свое мнение, иначе его просто считали трусом. Но нужно было и уметь слушать других. В «палавере» была еще одна прекрасная традиция — когда человек кончал говорить, старейшина обращался к нему с такими словами: «Мы выслушали, что ты сказал, и поняли то, о чем ты умолчал». Конечно, сегодня, в условиях демократии, уровень отсчета неизмеримо выше — свобода самовыражения должна принадлежать каждому. Изменились цели и задачи, но традиция давних сельских сходок может подсказать нам правильное направление и возможные формы организации. ■

В далекие времена у людей появилась потребность в особом товаре, деньгах, которые служили бы всеобщим эквивалентом при обменах. В разных местах земного шара в различные эпохи в качестве такого товара использовали самые разнообразные предметы и материалы: перья, раковины, какао-бобы, серебро, золото и банкноты. Со временем деньги приобрели новые функции. Они используются при оплате за товары и услуги, служат выражением стоимости предмета, являются средством накопления. В итоге они становятся тем элементом, который отражает степень доверия, существующего в человеческом обществе.

Деньги не только решают проблемы, но и в свою очередь создают их. Они — своего рода парадокс. Как пишет в этом номере Люсьен Жийяр, деньги образуют «некое однородное пространство, в рамках которого каждый человек получает всеобщую меру для оценки своих прибылей и доходов». Их использование приводит к появлению неравенства, возникновению экономической иерархий. Деньги являются мерой как богатства, так и бедности. Они становятся не только атрибутом власти, но и средством борьбы за нее. Хотя деньги получают распространение на вполне конкретной территории, внутри определенных границ, с помощью валютного курса они связаны с международным валютным рынком.

Моралисты поносят деньги, утописты отвергают их, и даже экономисты порой отводят им второстепенное место, однако они вездесущи в нашей повседневной жизни; облегчая торговые сделки и помогая развитию экономической деятельности, они способствуют поступательному движению человеческой цивилизации. В данном номере мы постарались высветить несколько крупных этапов в истории денег. Надеемся, что это поможет лучше раскрыть их роль в современном мире.

*Итальянские банкиры в XIV в.
Фреска. Флорентийский
художник Никколо ди Пьетро
Джерини. 1395 г.*

Как рождались деньги

С незапамятных времен самые необычные предметы служили деньгами. Они использовались в торговле и способствовали укреплению политической и социальной жизни

ЖАН-МИШЕЛЬ СЕРВЕ

БУСЫ и браслеты из ракушек, жемчужин, зубов, костей и перьев, кусочки камней и металла, керамические изделия, лоскутки ткани — таковы экспонаты, выставленные в разделе «древних денег» во многих музеях мира; в этом качестве их рассматривают и ученые в трудах по этнографии и археологии.

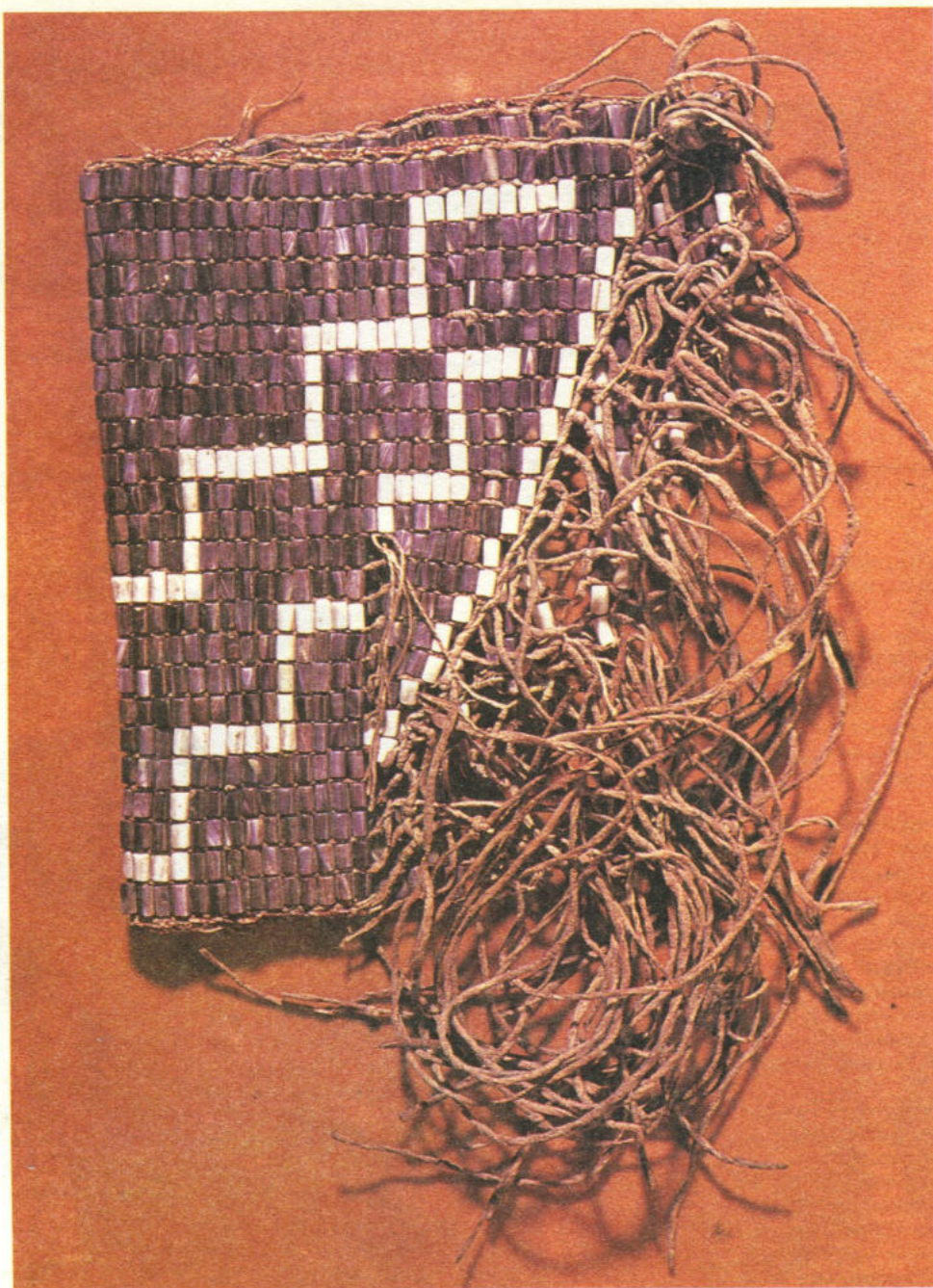
В то же время существуют другие подобные предметы, которые считаются украшениями, хотя нет подтверждений тому, что их использовали именно в декоративных целях, а не как деньги. Однако тот факт, что они хорошо сохранились, свидетельствует о том, что владельцы дорожили ими, а физические характеристики указывают на их неутилитарное назначение. Это дало повод археологам и историкам говорить об исключительно декоративных функциях этих примитивных драгоценностей, которые в действительности использовались также и как деньги.

Деньги древних цивилизаций

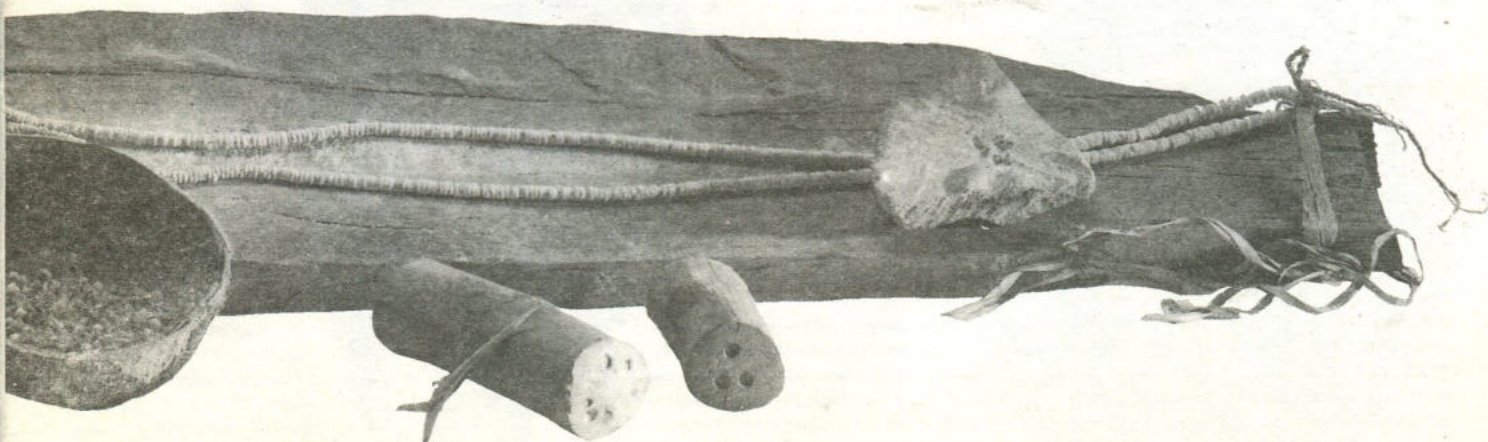
Еще Аристотель более двух тысяч лет назад отмечал, что задолго до появления денег люди отдавали то, чем владели в избытке, в обмен на то, чего им недоставало (такая практика называлась тогда «метадозис»). В работах этнологов описываются существовавшие в очень древних (с ярко выраженной иерархической структурой) культурах весьма сложные системы обменов — кула в западной части Тихого океана, билаба и малаки в Центральной Африке, потлач на северо-западном побережье Северной Америки.

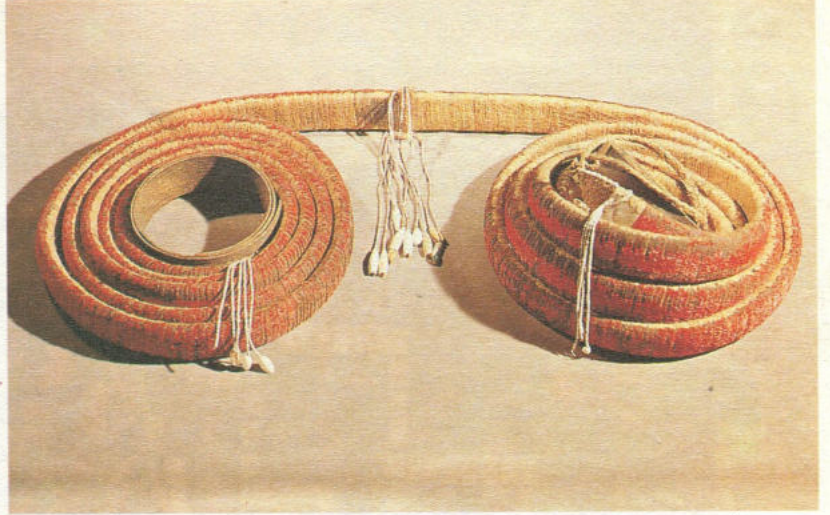
Поэтому деньги — как выражение социальных отношений, предполагавших иерархию и господство одних над другими, — не являются изобретением нового времени. Они возникли в еще более древние эпохи, чем цивилизации Средиземноморья, Ближнего и Дальнего Востока, Центральной Америки. Обращение ценных предметов внутри этих человеческих сообществ (и между ними) было явлением универсальным и

На с. 10: этот железный предмет в форме ножа для метания использовался в качестве денег в Центральноафриканской Республике. Слева: вапум — бусины из раковин, сплетенные с помощью кожаных полосок, использовались североамериканскими индейцами для расчетов с белыми торговцами в XVII и XVIII вв. Внизу: приспособления для изготовления раковинных денег на Соломоновых островах.

в известном смысле предвещало двойную функцию денег и как средства обмена, и как счетной единицы.

Но в них основные функции денег не были еще чисто экономическими: они во многом несли на себе отпечаток существовавших тогда систем родственных отношений, политических союзов, верований и культов, чем в первую очередь и определялись обеспечение рабочей силой, организация производства и порядок распределения богатств.

Деньги, или в данном случае «палеоденьги», были активным инструментом общественной жизни. Они использовались при отправлении обрядов, связанных с рождением, браком, поминанием усопших, и церемониях, возмещавших объявление войны либо заключение мира; ими возмещали нанесенный физический и моральный ущерб, наконец, они служили средством, с помощью которого пытались умиротворить богов плодородия и смерти. Однако ими еще не погашали долгов, не платили за работу или за купленный товар.

В то же время у них были и черты, типичные для денег наших дней: их было мало и, значит, хватало далеко не всем и, кроме того, они, как и современные деньги, сами по себе не имели какой-либо действительной ценности. «Палеоденьги» также предвосхищали собой экономическую и политическую природу современных средств обращения: с одной стороны, они устанавливали стоимость разных видов деятельности и материальных продуктов (и тем самым выступали как предшественники современных «стандартизированных» платежных средств), а с другой — выражали и укрепляли иерархическую систему в отношениях между отдельными людьми и их группами.

Не просто обмен

Таким образом, системы товарообмена в древних сообществах были гораздо более сложными, нежели просто меновое хозяйство.

Уже с самых ранних времен товары перемещались на огромные расстояния. Например, такие предметы торговли, как янтарь и обсидиан, обнаруживаются в сотнях километров от мест их происхождения: с юга Австралии их перевозили на северное побережье Новой Гвинеи или с берегов Черного моря — на территорию нынешней Польши и в Рейнскую область. А жившие еще в эпоху позднего палеолита (35 000—10 000 лет назад) кроманьонцы в бассейне реки Дордонь (на юге Франции) в каче-

Вверху: меланезийские деньги, сделанные из длинной тесьмы, украшенной красными перьями и кусочками раковин. Внизу: связка железных стержней, использовавшихся в качестве денег в Конго, конец XIX в.

стве орудий производства использовали раковины с побережья Атлантики, то есть из районов, удаленных от них на две сотни километров.

На более поздней стадии развития в разных обществах стали специализироваться на производстве тех или иных конкретных изделий, выступавших как средство платы за продукцию, созданную представителями других групп. Образцами таких товаров являются каменные топоры, бруски соли, гончарные изделия и накладки из древесного луба. Еще позже появились и особые группы людей, которые брали на себя роль посредников в товарообмене, преодолевая при этом расстояния в десятки и даже сотни километров.

Это, конечно, уже далеко не простое меновое хозяйство, в котором товары передавались друг другу прямо и непосредственно, без промежуточных сделок. Однако развитие объективно действующей системы сопоставления ценностей различных продуктов и изделий было тогда весьма ограниченным. Цены обмениваемых товаров выражали прежде всего социальные отношения между индивидами и общинами. И рынок не был еще движущей силой развития денежных отношений.

Первые монеты

Появление денег связано с развитием государств, которые получили возможность распоряжаться излишками богатств, создаваемых эксплуатацией рабов, крепостных или вольных крестьян, научились извлекать выгоды из торговли, осуществлявшейся по проходившим через их территорию караванным путям, или просто грабили соседние народы. В этот период появляются подати и сборы, устанавливается порядок их взимания, упорядочиваются способы налогообложения торговли на рынках, ярмарках, в морских портах.

Среди огромного многообразия продуктов, изделий и материалов, выступавших в роли денег в древних обществах (ткани и какао-бобы у майя и ацтеков, раковины каури и золото в царствах Западной Африки, металлические слитки в греческих полисах, железные прутки у хеттов, ячмень и пшеница в Месопотамии, пшеница и медь в Египте, просо и шелк в Китае), особое внимание привлекают к себе монеты, использование которых в качестве средства обращения продолжается и поныне.

Сначала монеты были лишь одной из разно-

Изображения на монетах

Сверху вниз: воин с двумя быками, македонская октодрахма (начало 6 в. до н. э.); серебряный статер с изображением лошади из Менде, винопроизводящего района Македонии (5 в. до н. э.); лошадь (аверс) и пальмовое дерево (реверс), серебряная тетрадрахма из Карфагена (4 в. до н. э.); голова нимфы с дельфинами (аверс) и колесница, запряженная четверкой лошадей (реверс), декадрахма из Сиракуз (ок. 400 г. до н. э.); дельфины и головы баранов, серебряный статер из греческого города Фосиса (ок. 479—470 гг. до н. э.).

видностей металлических денег. Например, в Китае до появления монет (и даже после их введения в конце 4 в. до н. э.) в качестве расчетного средства использовались металлические отливки в форме лопаток и ножей. С 7 в. до н. э. началась чеканка первых монет в Малой Азии и Греции, причем в отдельных городах продолжали пользоваться и слитками. В это время (и вплоть до появления монет в 4 в. до н. э.) в Индии деньгами служили небольшие серебряные квадратики, украшенные выбитыми на них изображениями.

Влияние Греции

В истории монетного дела особо важное место занимают греческие города. Многовековые традиции, сложившиеся здесь, непосредственно или через сложную систему связей распространялись по всей планете. Благодаря походам Александра Македонского, войны которого сумели завладеть драгоценным металлом из сокровищниц ближневосточных властелинов и пустили его в чеканку, греческие монеты получили хождение в странах Средиземноморья.

Римляне, вначале пользовавшиеся по примеру этрусков бронзовыми слитками, в 3 в. до н. э. под влиянием практики, существовавшей в греческих поселениях на юге Италии, тоже стали чеканить первые монеты. Римская колонизация придала распространению монет такой размах, который превзошла лишь колониальная экспансия европейских стран в XIX — начале XX в.

14 За пределами восточных границ Римской империи, между Хорасаном и Месопотамией,

Вверху: золотой дистатер периода царствования Александра Македонского (336—323 гг. до н. э.) с изображением головы богини Афины. Справа: римские и византийские золотые монеты. На с. 15: Кносский лабиринт на острове Крит, серебряный греческий статер (ок. 450 г. до н. э.).

правители из династии Сасанидов, находясь под сильным эллинистическим влиянием, продолжали чеканить монеты, что было воспринято и Парфянской империей (основана в 3—2 вв. до н. э.), в период расцвета раскинувшейся от Евфрата до Афганистана. Эллинистическая традиция наложила свой отпечаток и на первые монеты исламских стран, тогда как европейские христианские народы в этом отношении следуют римской традиции.

Схожий процесс имел место и в Индии, испытавшей на себе несколько волн прямого и косвенного влияния Греции: сначала это было прямое вторжение войск Александра Македонского, затем контакты с Римской империей и, наконец, мусульманская, а затем европейская колонизация.

Ритуальное значение монет

Во всех перечисленных здесь цивилизациях монеты далеко не сразу стали первым и единственным инструментом, который во всех отношениях превосходил бы другие признанные средства оплаты. Наоборот, долгое время они существовали бок о бок. Но металлические диски, более или менее тщательно отчеканенные, могли использоваться самыми разнообразными способами — в этом было их преимущество. Обмен ими выражал нечто большее, чем просто совершение торговой сделки, — он мог символизировать также обмен дарами, мог быть знаком уважения.

Так, первые монеты в греческих городах выпускались не столько для того, чтобы служить непосредственно нуждам торговли: их стоимость была слишком велика, чтобы приобретать

с их помощью на рынке товары повседневного спроса. А в сделках, осуществлявшихся на больших расстояниях, например в заморских странах, средством платежа служили сами доставляемые издалека товары. В чем же тогда состояла первоначальная функция монет? По всей вероятности, они были необходимы для деловых связей как внутри греческих городов, так и между ними, и прежде всего для решения вопросов, имевших политическое и религиозное значение.

Однако эта их двойная роль не препятствовала их использованию в торговле. Металл, из которого они чеканились, издавна был предметом обмена, осуществлявшегося на огромных расстояниях, ведь торговля в то время имела большое политическое и общественное значение. Кроме того, более или менее твердо установленный в монете вес драгоценного металла, позволявший делить ее на равные доли, а также распространение монет в странах и обществах с самыми своеобразными обычаями — все это постепенно сделало монету наиболее практичным и предпочтительным средством оплаты торговых сделок и налогов.

Наконец, на монетах чеканились изображения богов и правителей, и потому они выполняли определенную политическую функцию вплоть до эпохи Римской империи, когда их выпуском стали отмечать также события общественной жизни — например, праздники или военные кампании. Ритуальная роль монет сохраняется и в наши дни: их замуровывают в фундаменты зданий, в основания мостов, бросают в фонтаны и источники как своего рода приношения месту, куда хотели бы вернуться, их преподносят на счастье новобрачным, даже вкладывают в рот или руку усопшим, чтобы они могли «оплатить» свой переход в мир иной. ■

ЖАН-МИШЕЛЬ СЕРВЕ, французский экономист. Занимается вопросами «палеоденег». Автор книг «Nomismata: état et origines de la monnaie» (1984) и «Idées économiques sous la Révolution française» (1989). Обе книги опубликованы издательством Лионского университета во Франции.

ПЬЕДАД ПЕНИШЕ РИВЕРО

Драгоценные бобы

Деньги буквально росли на деревьях в некоторых частях доколумбовой Америки, где какао наделяли магической силой бога Кецалькоатля и оно приносило богатство и славу тем, кто им владел

Вверху: голова воина, скульптура из камня. Культура майя. Слева: живописное изображение Кецалькоатля и его спутника из ацтекской рукописи «Codex Borbonicus».

«ДЕНЬГИ здесь растут на деревьях», — писали испанские хронисты, прибывшие вслед за конкистадорами в Мексику и с удивлением обнаружившие, что деньгами в этих местах служат какао-бобы. В те времена основными районами — производителями какао были Чонтальпа и Соконуско в Мексике и бассейн реки Улуа в Гондурасе. Производство, торговля, потребление драгоценных бобов строго контролировались знатью и торговцами долины Мехико и Юкатана. Невысокие урожаи и сложности перевозки делали этот продукт дорогостоящим.

Какао-бобы были, конечно, примитивной формой средств обращения и платежа и не могли полностью выполнять функцию денег. Они широко применялись как средство обмена товарами, но в качестве меры стоимости ацтеки и майя использовали *куачтли* — кусок хлопчатобумажной ткани, в изготовление которого было вложено определенное количество труда.

На Юкатане один *куачтли* соответствовал 450 часам труда. И хотя мы не знаем, сколько времени требовалось, чтобы выткать такое полотнище, составлявшее часть дани, которая взималась правителями ацтеков, известно, что оно стоило почти 100 бобов какао.

Поэтому можно утверждать, что хотя стоимость большинства находившихся в обращении товаров выражалась числом какао-бобов, в действительности же постоян-

Кецалькоатля

Вверху: пирамида Кукулкан в Чичен-Ице, одном из крупнейших центров культуры индейцев майя и толтеков (север полуострова Юкатан, Мексика). Справа: дерево какао (*Theobroma cacao*). На с. 19: семена какао-бобов.

ной мерой стоимости были куски хлопчатобумажной ткани. Какао-бобы выполняли роль денег, очевидно, потому, что в отличие от ткани их можно было делить так, как требовалось.

Из какао-бобов древние обитатели Мексики готовили шоколад — ритуальный напиток, наслаждаться которым имели право только знать и воины. Большинство народа довольствовались пульке, алкогольным напитком из сока агавы. Такой запрет укреплял власть аристократии: считалось, что шоколад, пища богов, обладает волшебными свойствами.

Шоколадная дань ацтеков

Возможно также, что шоколад ассоциировался с кровью, проливавшейся во время человеческих жертвоприношений, особенно когда из груди жертвы вырывали сердце, чтобы поднести его богу Кецалькоатлю, Пернатому змею, почитавшемуся в городах толтеков на полуострове Юкатан и в долине Мехико. В мексиканских мифах рассказывается, что «садовник рая» Кецалькоатль научил людей выращивать какао-бобы, когда жил в городе Тула. Отправляясь в заморское странствие, он зарыл в землю «деньги» того времени — морские раковины, перья, драгоценные камни. Вместо них он дал людям дру-

гие — какао-бобы, наделив их божественной силой.

Ацтеки были последними местными властями долины Мехико. Своим процветанием их империя, подчинившая себе все народы, некогда боровшиеся за власть над долиной, была обязана богатой дани, собираемой с тридцати восьми провинций; согласно «Кодексу Мендосы», на долю одной из них, Соконуско, приходилась почти половина всех какао-бобов, получаемых государством.

Сначала какао-бобы свозили в специальные хранилища, а потом доставляли в центры имперской власти — храмы и казармы: ацтекские воины, как говорят дошедшие до нас источники, потребляли шоколад в огромных количествах.

В отличие от ацтеков политическая и тор-

ПЬЕДАД ПЕНИШЕ РИВЕРО,
мексиканский антрополог и археолог. Ранее преподавала на факультете антропологии Юкатанского университета в Мериде, Мексика. Автор многочисленных публикаций о цивилизациях майя и инца, в том числе о роли какао-бобов как символа богатства и власти в индейских обществах.

говая элиты майя фактически представляли единое целое, поэтому какао было здесь предметом торговли, а не данью.

Наряду с плодами шоколадного дерева в торговле шло обращение определенного количества хлопчатобумажных тканей, именно эти товары повсеместно служили стоимостным эквивалентом для всех других видов товаров, включая и те сельскохозяйственные территории, где выращивались на продажу зерновые культуры. Когда же с крестьянских общин стали взимать налог в виде рабочей силы, возникло рабство: людей стали продавать и покупать за какао-бобы. Как сообщает испанский хронист Диего де Ланда, майя, жившие на Юкатане, имели «большую склонность к торговле. Они привозили в Улуа и Табаско соль, одежду, рабов и меняли их на

какао-бобы и нанизанные на нитки камушки, служившие им деньгами, на которые они покупали новых рабов и другие красивые камни...»

Благодаря рабам майя и, возможно, ацтекам урожайность шоколадных деревьев повысилась, что, по всей вероятности, способствовало распространению какао и среди низших классов. Правда, оно всегда находилось под контролем знати. Ряд этнографических хроник начала колониального периода подтверждает, что какао-бобы использовались как пожертвования на похоронах и в качестве свадебного подарка.

Какую же роль играли какао-бобы в накоплении богатств? Среди майя и ацтеков отношение к этому было разным и, как правило, определялось социальным статусом. Так, в долине Мехико торговцам, чтобы не обидеть могущественного правителя, необходимо было проявлять большую осмотрительность. Поэтому, как сообщает Бернардино де Саагун, они одевались скромно, порой даже бедно. Из-за жадности знати торговцы-почтеки были вынуждены жертвовать целые партии какао-бобов в качестве подарков и жертвований храмам.

Если в долине Мехико владение большим количеством какао-бобов определяло главным образом лишь социальный статус, то инца, жившие на Юкатане, землевладельцы которых имели множество рабов и великолепно украшенные жилища, вкладывали свое богатство в расширение товарного сельского хозяйства и приобретение еще большего числа рабов. Это объясняет, почему испанцы сохранили на Юкатане какао-бобы в качестве денег, но единицей стоимости считали уже не полотноща ткани, а собственную денежную единицу (реал), продолжая, однако, соотносить ее с колебаниями в производстве какао-бобов.

Даже в XIX в. какао-бобы все еще использовались в качестве средства оплаты труда наемных рабочих на Юкатане и в других районах Центральной Америки. Об этом свидетельствует, например, отчет североамериканского путешественника Джона Л. Стефенса, который в 1842 г. отмечал, что на Юкатане нет медных монет или других металлических денег достоинством менее полреала, что заработки индейцев очень скудны и их едва хватает на самое необходимое и что какао-бобы широко используются здесь в качестве мелкой разменной монеты.

Морская казна

Каури и другие цветные раковины в течение многих столетий распространялись в Африке в качестве денег

А. ФЕЛИКС ИРОКО

Слева: в провинции Карамоха, на северо-востоке Уганды, девушки носят каури как головное украшение. Внизу: каури, вплетенные в шнурки, служили украшением и использовались как деньги в Папуа-Новой Гвинее.

С незапамятных времен и вплоть до XX в. в странах Африки южнее Сахары в роли средств обращения и платежа выступали самые различные предметы и вещества — металлические прутки, браслеты, ткань, соль, жемчуг, пуговицы и даже морские раковины, которые и получили в конце концов наибольшее распространение.

Чаще всего использовались каури, маргинеллы и оливеллы — раковины морских моллюсков. Каури (*Сургаеа annulus* и *Сургаеа moneta*) обычно размером с лесной орех, имеют белую или бледно-желтую горбатую спинку и брюшную щель посередине. Они встречаются только в теплых морях, особенно в южной части Тихого и в Индийском океанах. Большинство раковин каури, свыше тысячи лет употреблявшихся в качестве денег в Африке, добыто у Мальдивских и Лаккадивских островов, к юго-западу от Индии, а также вблизи Занзибара и Пембы, у восточного побережья Африки.

Каури служили предметом торговли в местах добычи, и их часто загружали в качестве балласта в трюмы арабских, иудейских и европейских кораблей, направлявшихся в порты Африканского континента, где их перепродавали.

Раковины маргинеллы (*Marginella*) невелики по размерам, особенно у западного побережья Африки, но ярко окрашены. Встречаются они и в тропических водах Америки, чаще всего у побережья Бразилии.

Оливелла насчитывает свыше 300 видов. Ее раковины более продолговатой, чем у каури, формы, имеют оттенки агата. Чаще всего в Африке, к югу от Сахары, использовались раковины *Olivancillaria pana* — их добывали у побережья Луанды, которое до появления здесь португальцев в конце XV в. было своего рода «природным казначейством», где полновластно распоряжались правители королевства Конго.

Места хождения раковинных денег

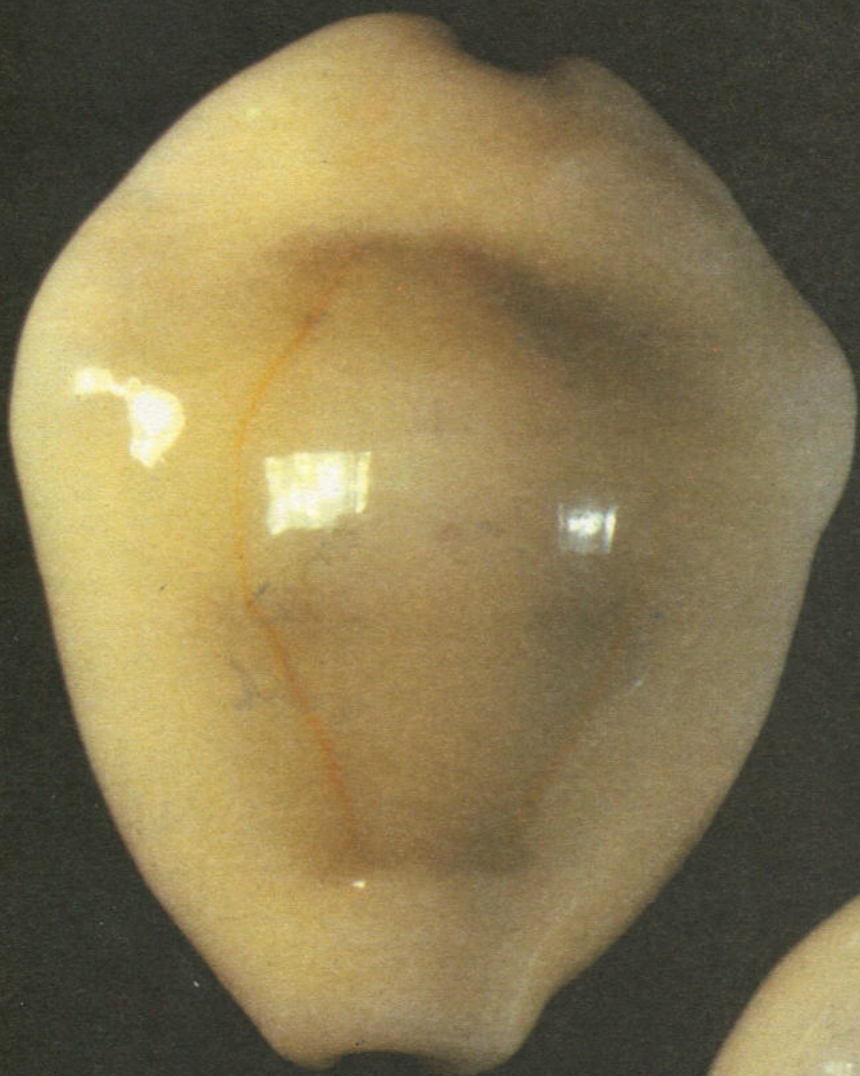
До XVI в. деньгами в королевстве Конго служили *нзимбу* (так на языке киконго называется *Olivancillaria pana*), раковины маргинеллы использовались только в излучине Нигера, зато каури были широко распространены по всей западной и отчасти Центральной Африке. В качестве денег каури употреблялись до XVI в. и в Египте.

С XVI по XIX в. от Сенегала до Уганды, от Сахеля до Невольничьего берега (побережье Гвинейского залива) более, чем любые другие раковинные деньги, были в ходу каури. Однако в Сахару они попадали редко и никогда не занимали прочного места в торговле на севере и юге Африки.

Был также и такой период, когда по всей Западной и Центральной Африке широкое распространение получили раковины маргинеллы, здесь они служили средством обмена у народностей *oléé*, *ngilima*, *tsambitso*, *обаа*, *коуо*, *ебоуи* и *аква* — обитателей бассейна реки Конго.

Распространение раковин оливеллы всегда ограничивалось областью расселения народов банту и, по-видимому, не выходило за пределы Конго. Стремясь подорвать могущество правителей этого королевства, португальцы начали активно использовать другие виды оливеллы, добывавшиеся у бразильского побережья, а также каури из Индийского океана. Так, *нзимбу* постепенно были вытеснены из обращения. Ввозили

Три разновидности каури. Вверху слева: *Суфрага аргус*; слева: *Суфрага опух*; на с. 24: *Суфрага тонета*, которая служила деньгами в африканских и других странах.

Вверху: на празднике в Папуа-Новой Гвинее танцор со щитом, инкрустированным раковинными деньгами, — традиционным символом богатства, который изображен на современном банковском билете в пять кин (справа).

португальцы оливеллу и из Луанды. Эти раковины, наряду с каури, тоже служили своего рода валютой, хотя и второстепенной, в торговле черными рабами в колониальной Бразилии.

Две тысячи каури за бутылку с солью

Раковины всех видов были не просто вспомогательным средством меновой торговли. Они уже обладали всеми характеристиками денег — в том смысле, что выступали в качестве меры стоимости того или иного товара, были средством обращения и финансовым резервом, символом богатства.

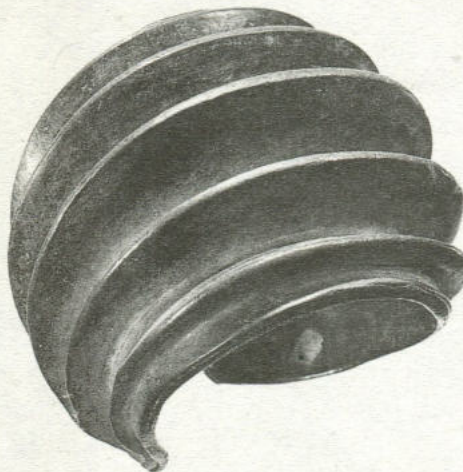
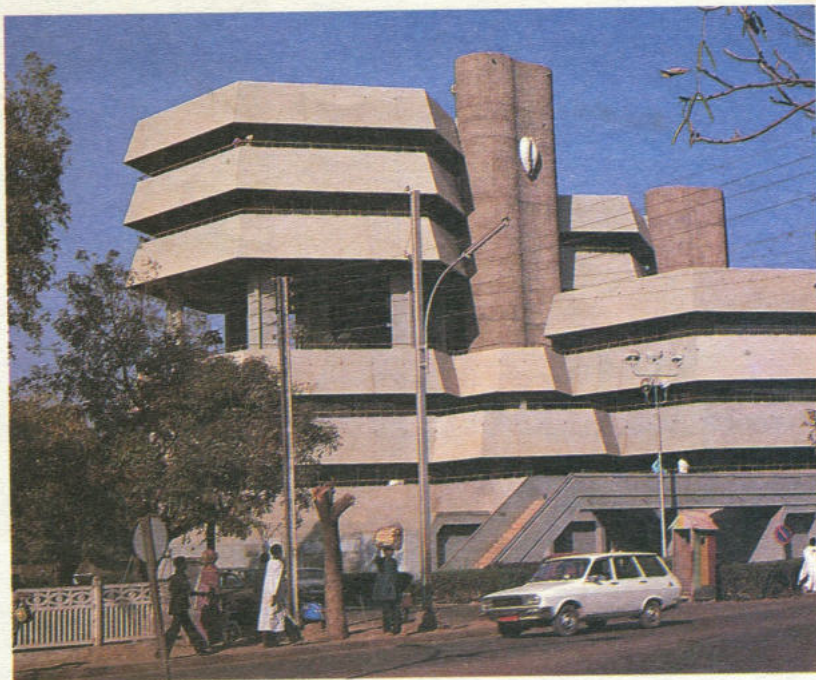
Их использовали как деньги для закупок мяса, ножей, скота, рабов, ими оплачивали оказанные услуги. Служили раковины и счетной единицей для установления цен тех или иных товаров, которые при этом не обязательно оплачивались ими. Например, в XIX в. французский исследователь Луи Гюстав Бенже засвидетельствовал в северной части Ганы такую сделку двух торговцев: «Калebas с солью стоит две тысячи каури, а сотня орехов кола — тысячу каури, так что за твой калebas я даю две сотни орехов».

Раковинные деньги, таким образом, способствовали развитию торговли, весьма точно отражая колебания в ценах на товары, имевшие место в разное время в разных географических районах. Для удобства обращения в раковинах делали отверстия и нанизывали их на шнуры в большие связки по 12, 20, 40 или 100 штук в зависимости от принятой системы счета.

Из пластинок раковин морских улиток, использовавшихся в качестве денег в некоторых африканских странах, делали бусы *мусанга*. В начале XX в. десяток ниток таких бус, каждая длиной от большого пальца ноги до пятки, составлял стоимость *доти* — примерно 3,6 м ткани сине-фиолетового цвета; десять ниток длиной от мизинца до пятки выражали цену *доти* любой ткани.

В некоторых районах Африки к югу от Сахары употребление раковин в качестве денег формировало даже государственную политику в сфере денежного обращения. Местные правители пытались контролировать ввоз раковин и их обращение: предпринимая меры против накопления их излишков, что могло привести к инфляции, или против их недостатка, отрицательно сказывавшегося на торговле, они осуществляли свою власть и над экономикой. От Абомея до Невольничьего берега, как и в пределах королевства Конго, проводилась весьма строгая и высокоэффективная политика в сфере денежного обращения.

С началом колонизации раковинные деньги начали выходить из употребления и постепенно утратили свою роль. В настоящее время только раковины каури еще используются в этом качестве (хотя и в очень небольших масштабах) в юго-западных областях Буркина-Фасо и Северной Ганы. Это единственный район в мире, где каури в какой-то степени сохраняют роль денежной единицы. Но надолго ли?

Вверху: символическое изображение каури украшает фасад Банка Мали в Бамако.
Внизу: медный ножной браслет, использовавшийся в Конго в качестве денег.

А. ФЕЛИКС ИРОКО,
беннийский ученый;
руководитель
исследований по истории
экономики и социальных
отношений в Африке,
проводимых
Национальным
университетом Бенни в
Котону. Автор свыше
шестидесяти статей по
истории экономики и
смежным темам. В
настоящее время готовит
книгу об использовании
раковин каури в качестве
денег с 3000 г. до н. э.
до наших дней.

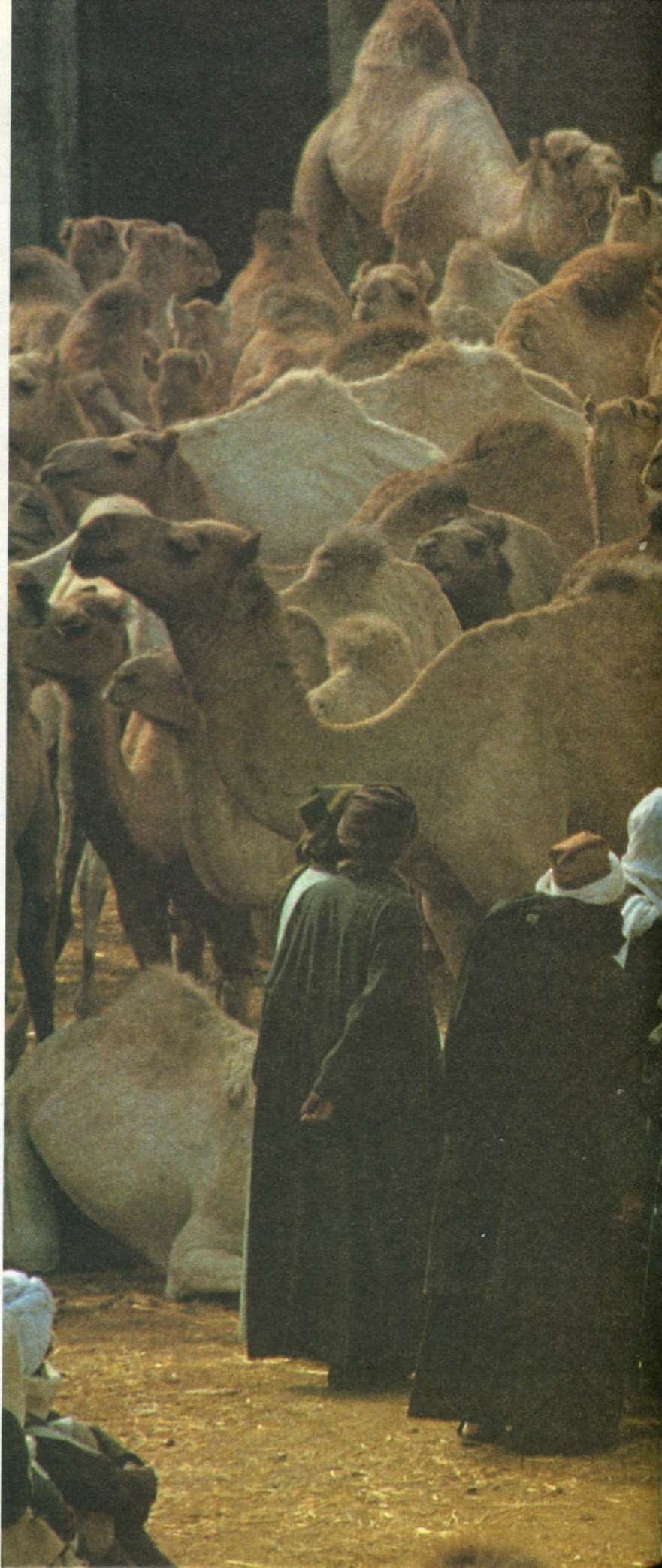
Динары халифов

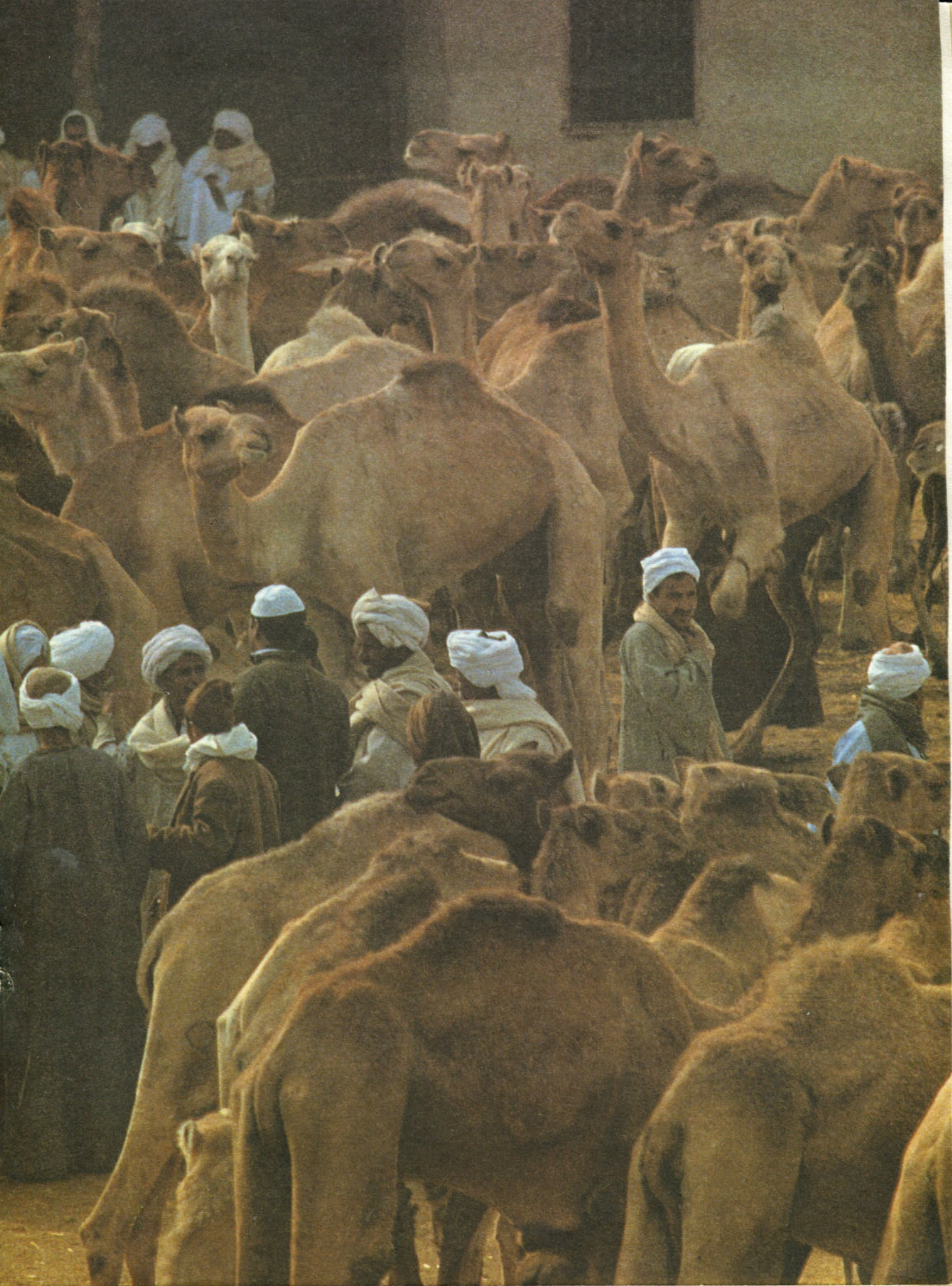
В VII в. первые халифы создали международную денежную систему, используя монеты, которые по своему замыслу и рисунку удивительно современны.

ЖЕРАР КРЕБС

Во времена Мухаммеда, то есть в начале VII в., арабы денег не знали. Возможно, в них просто не было необходимости: кочевые племена, для которых главным мерилom благосостояния был верблюд, вели в основном натуральный обмен, а в таких торговых центрах, как Мекка и Медина, крупные сделки совершались с помощью золотых византийских и серебряных персидских монет.

Первые арабские завоевательские походы (636—655), вырвавшие из состава Византийской империи Сирию, Палестину и Египет на западе и разорившие Персидскую империю Сасанидов на востоке, принесли огромную добычу в виде изделий из драгоценных металлов; было захвачено много золотой и серебряной посуды и монет. Но создание нового средства обращения

не было тогда целью ислама, главным делом которого была священная война.

Новые мусульманские владыки с легкостью переняли денежные системы завоеванных стран, оставив их практически неизменными. На востоке продолжали чеканить серебряные драхмы с изображением покойного царя из династии Сасанидов Хосрова II. Правда, теперь на монетах появилась надпись на арабском языке: «Во имя Аллаха». В странах Средиземноморья старые золотые солиды и бронзовые фоллисы также остались без изменений, по-прежнему на них изображались византийские императоры Константин II или Гераклис и его сын. Иногда на них появлялась надпись на арабском языке, а христианский символ — крест, — часто встречавшийся на византийских монетах, наоборот, снимали.

По-настоящему централизованное управление сложилось в исламской империи только с приходом к власти в 661 г. династии Омейядов. Первые попытки чеканить монету (почти исключительно бронзовую) с мусульманской символикой имели место в Сирии и Палестине во время правления (685—705) халифа Абд-аль-Малика: в Дамаске, Эдессе и Иерусалиме появились монеты с изображением халифа, возложившего руки на ножны меча, в обрамлении арабской вязи.

Появление динара

В 696 г. халиф Абд-аль-Малик ввел на всей территории империи единую денежную систему, отвечавшую потребностям как внутренней, так и международной торговли.

Для крупных торговых сделок использовался теперь золотой динар весом 4,3 г. Серебряными дирхемами весом 2,8 г выплачивали налоги и жалованье, а для повседневных покупок служили мелкие медные монеты — фелсы. Относительная стоимость этих монет не фиксировалась, а изменялась вместе с ценой соответствующих металлов. Например, динар стоил сперва 10 дирхемов, а затем цена его возрастала, составляя в разные периоды до 14 и даже 20 дирхемов. Стоимость дирхема также была различной — от 16 до 24 фелсов, потому что вес самого дирхема был неодинаковым в разных провинциях.

Новые монеты по сути своей во многом были аналогичны иноземным, вошедшим в обращение

Вверху, слева и справа: серебряный дирхем, выпущенный при халифе аль-Муктадере (X в.). Вверху: серебряная драхма, выпущенная в период царствования сасанидского правителя Бахрама II (276—293), с изображением короля, королевы и наследного принца.

НА С. 29

Вверху: золотой динар (VII в.). Ниже по часовой стрелке (слева по кругу): арабо-сасанидская драхма (ок. 650) с надписью «Во имя Аллаха»; арабо-византийский фоллис (ок. 650); омейядский дирхем (740); алтын с именем османского султана Сулеймана I Великолепного (1520); аббасидский дирхем (919); фоллис (ок. 690) с изображением стоящей фигуры халифа Абд-аль-Малика.

НА С. 26—27

Верблюжий рынок в Каире. Слева: монета с изображением верблюда, выпущенная в период правления династии Аббасидов (IX в.).

ние раньше. Динар — наследник и соперник византийского солида — получил свое название от римского денария. Дирхем по размеру и стоимости был близок к персидской драхме, а фелсы — к римским и византийским фоллисам.

Однако внешний вид новых денег совершенно переменялся. Исчезли аллегории и пышные титулы, прославлявшие правителей, и их изображения. Монеты были исламскими и потому восхваляли только Аллаха. Даже имя халифа не появлялось на них, и, поскольку Пророк отрицательно относился к изображению людей и животных, единственным украшением монет стали символы веры, начертанные изящным куфическим письмом.

Это был, конечно, решительный отход от традиции, укоренившейся в странах Ближнего Востока и северной Африки, где на монетах обычно выбивали портрет владык или городские гербы. Однако новые деньги стали очень долговечными: последние из них были выпущены в Йемене около 1960 г. Новая система оказалась весьма современной в том смысле, что ни одно государство до той поры не обозначало своих денежных единиц с такой исчерпывающей точностью: арабы первыми начали чеканить на монетах название, место и время выпуска (последнее — в соответствии с мусульманским календарем, в котором летосчисление ведется со времени хиджры Пророка). В западных странах обычай указывать на монетах время их изготовления начал распространяться лишь в XV в.

Динары чеканились только в столице империи Омейядов — Дамаске, а дирхемы — во многих крупных городах. Самые известные монетные дворы были в Дамаске и Васите (основан в 703 г. в долине Тигра, к северо-западу от Басры, в Ираке). Уже одно перечисление монетных дворов в городах различных стран — от Испании (Кордова) до Туниса, от Азербайджана до Афганистана (Балх) и Пакистана (область Синдх) — свидетельствует о гигантских размерах бывшей исламской империи.

В 750 г. Омейяды были свергнуты, их сменила новая династия — Аббасидов. Шире стала развиваться торговля, и поэтому в VIII и IX вв. арабские монеты получили еще большее распространение. Новая столица Багдад, основанная в 762 г., быстро стала экономическим центром державы, где сосредоточились ее богатства. На открытом здесь монетном дворе чеканились

Выгодная сделка

Говорят, что во время Египетской экспедиции Бонапарта 1798 г. блестящие пуговицы с мундиров французских солдат высоко ценились на базах Александрии. Местные торговцы, хорошо зная обычаи кочевников повсюду носить с собой «земные сокровища», которые нашивали на одежду, чтобы не растерять их в странствиях по пустыне (именно поэтому у многих североафриканских монет имеются специальные отверстия), в уплату за товары требовали красивые отполированные кусочки металла, украшавшие непривычное одеяние чужеземцев. В свою очередь и солдаты были довольны, что никто не покушается на их жалованье, и потому охотно срезали пуговицы, расплачиваясь за покупки. Легко представить себе реакцию Бонапарта при виде солдат, возвращавшихся с базара буквально в растерзанном виде.

Барыши и религия

В XII в. по всему Ближнему Востоку, особенно у сирийских купцов, высоко ценились золотые динары египетских халифов из династии Фатимидов, поэтому в христианских государствах, основанных в Палестине крестоносцами, даже начали чеканить их подделки. Поначалу так называемые сарацинские византины имели довольно мало сходства с мусульманскими динарами, но постепенно их изготовление совершенствовалось, и они стали точной копией египетских монет. Папский легат, сопровождавший в 1250 г. французского короля Людовика IX (Святого) в крестовом походе, пришел в ужас и пригрозил отлучить от церкви подделывателей монет, славивших Аллаха, и сарацинские византины были заменены другой монетой, почти во всем похожей на динар, но с изображением креста и арабской надписью, прославлявшей уже не Аллаха, а св. Троицу и господина Бога Иисуса Христа.

золотые и серебряные монеты — в стиле прежних династий, но теперь они несли на себе имя халифа, а позднее — даже имена управителей провинций. Поскольку в Испании, Северной Африке и на востоке Ирана правители вели себя все более независимо, облик чеканившихся там монет стал постепенно изменяться.

Распад империи

Восстание Буидов в Иране в 945 г. положило конец централизованной политической власти династии Аббасидов. С этого времени в мусульманском мире уже не было единого средства обращения. Названия «динар» и «дирхем» сохранились, но теперь их соотносили с золотыми и серебряными монетами, имевшими разный вес и содержание драгоценного металла; различными были и надписи, отражавшие политические амбиции и финансовые возможности династии, которая их чеканила. Единственным исключением в этом политически и экономически нестабильном мире был Египет в период правления династии Фатимидов (969—1171). Будучи процветающим государством, контролировавшим поступление золота из Судана, Египет, занимавший стратегически важное положение на перекрестке главных морских торговых путей, продолжал чеканить «добрые» золотые динары.

Вверху: на празднике в Марракеше (Марокко); монеты служат украшением. На с. 31:

«Меняла», картина австрийского художника Рудольфа Эрнста (1854—1920).

ЖЕРАР КРЕБС, французский нумизмат, специализирующийся по восточным монетам. Автор комментариев к каталогу исламских и ближневосточных денег, находящемуся в собственности Парижского монетного двора — «Les monnaies de l'islam et du Proche-Orient» (1988).

лен в 1258 г., халиф из династии Аббасидов казнен, и в результате исчезли последние остатки той системы денежного обращения, что была задумана когда-то халифом Абд-аль-Маликом. Вскоре во всех мусульманских странах сложились собственные системы обращения, стали чеканить свою монету. И лишь после возникновения Османской империи мусульманский мир вновь пустил в обращение общую денежную единицу. Первой турецкой монетой стала серебряная *акче*, весом сначала 1,2 г, позднее — 0,8 г. В 1478 г. появился золотой *алтын*. Эти монеты имели хождение от Алжира до Турции, были известны даже на Балканах.

Однако эта денежная система не обладала стабильностью прежней. Серебро, поступавшее в Испанию из копей Южной Америки, расшатывало ее, и, хотя она претерпела ряд изменений и реформ (в частности в 1688 г.), по-настоящему она так никогда и не смогла противостоять денежным единицам западных стран. Рисунок монет, выпускавшихся в то время, основывался на древней традиции: изображений на монетах по-прежнему не было, но в надписях прославлялось имя султана, и часто воспроизводились его печать, имена и титулы.

В наши дни все страны мусульманского востока имеют свои сугубо национальные денежные знаки. И времена, когда основной функцией денег было прославление имени Аллаха — роль, выходящая за пределы политических границ и не соответствующая их экономическому предназначению, — остались далеко позади. ■

Дельцы средневековой Европы

Приток драгоценных металлов из Нового Света не только способствовал развитию денежной экономики, но и вызвал к жизни разрушительные силы

ЛЮСЬЕН ЖИЙЯР

О деньгах обычно думают как о средстве определения цены и стоимости товара, как о средстве платежа и ступке покупательной способности. В качестве эталона для измерения стоимости продаваемых и покупаемых товаров они формируют некое однородное пространство, в рамках которого каждый человек получает всеобщую меру для оценки своих прибылей и долгов.

В Европе XVI в. подобные пространства формируются границами национальных государств, а за их пределами деньги становятся своего рода знаменем страны. Помимо своей обычной роли средства платежа, они обеспечивали также обращение товаров, и поэтому впечатляющий рост производительных сил, расширение торговли в ту эпоху обычно связывают именно с увеличением денежной массы, выступавшей как в виде долговых обязательств (векселей), так и металлических денег-монет, изготовлению которых благоприятствовал приток металла из Нового Света.

И наконец, как средство аккумуляции покупательной силы деньги породили даже новое понимание бренности человеческого существования, позволявшее в какой-то мере обойти тяготы повседневной жизни. Время не

Слева: легендарные серебряные копи в Потоси (на территории современной Боливии), которые нещадно эксплуатировались испанцами в колониальный период. Гравюра Теодора де Бри (XVI в.).

«Взвешивание золота»,
картина голландского
художника Герарда Дюу
(1613—1675).

принадлежало теперь исключительно одному Богу, оно стало опорой, на которой человек мог строить свои планы. Произошло осмысление денег как капитала, о чем свидетельствуют дискуссии о ссудном проценте, вексельных курсах, о причинах повышения цен и даже продажа индульгенций.

Очевидно, деньги вполне успешно выполняли свои функции, способствуя упрочению общественных связей в Европе периода Ренессанса. Однако у каждой монеты есть две стороны; так и деньги вызвали к жизни разрушительные силы стяжательства и монополистической замкнутости. Удвоение численности народов Европы в эпоху Возрождения усугубило эти тенденции.

Наперекор государственной власти

Первые проблемы, связанные с деньгами, были вызваны самим их выпуском. В пределах каждой страны чеканка монет и контроль за их полноценностью осуществлялись политической властью — государством (этот принцип, несмотря на многочисленные отклонения от него, сохранился со времен римского права). Однако монополия эта часто оспаривалась, и, несмотря на суровые наказания (иногда отступников живыми бросали в кипящий котел), нарушителей было хоть отбавляй.

Среди них особо выделялись дельцы, промышлявшие испорченными монетами, — так называемые биллонеры (от слова «биллон», означающего неполноценную монету, в которой драгоценного металла содержится меньше, чем полагается, но которая тем не менее имеет хождение наравне с полноценными монетами). В то время ходило множество биллонов, поскольку примитивная техника чеканки не позволяла изготавливать монеты абсолютно одинаковые. Вот почему всякий знающий торговец, меняла или даже сборщик податей тщательно сортировал попадавшие в его руки металлические деньги, выживая самые тяжелые, а потом отправлялся в ювелирную лавку и там сбывал их по весу за хорошую цену, получая таким образом барыш. Находились также дельцы, спиливавшие «излишек» металла в надежде на то, что никто не будет проверять соответствие монет официально установленному стандарту (конечно, риск обнаружения такого изъятия не исключался, и в случае неудачи приходилось возмещать его из собственного кармана).

Позднее для борьбы с такими видами мошенничества придумали делать насечку по обрезу монет и «гурчить» их, то есть накатывать утолщения вокруг изображений на лицевой стороне; однако эти меры не принесли сколько-либо ощути-

мого результата. В XVI в. ни одной из стран не удалось значительно усовершенствовать изготовление монет, поскольку их машинное производство оказывалось слишком дорогостоящим и к тому же ему противились рабочие монетных дворов, привыкшие чеканить монеты древним кузнечным способом. Правителям ничего не оставалось делать, как только ввести обязательное взвешивание монет при совершении сделок: ведь одно сходство выгравированных на монетах изображений не гарантировало их подлинности. Немногим успешнее были их действия по регулированию цен на драгоценные металлы, которые свободно устанавливались торговцами и ювелирами. Об этом свидетельствует огромное число всякого рода запретительных указов, издававшихся по этому поводу.

Еще более острая борьба происходила между фальшивомонетчиками и так называемыми антимонетчиками. В XVI в. основную массу фальшивых денег (их шуточно называли «незаконнорожденными») составляли подделки испанских монет, главным образом мелких, которые было дешевле чеканить и труднее выловить. В то же время и многие правители не гнушались подделки монет других государств, стремясь обеспечить себе так называемый монетный доход (это касалось прежде всего небольших стран, не имевших собственной монетной системы); прибегали они и к изъятию из обращения полновесной металлической монеты, заменяя ее неполноценными подделками.

История знает немало примеров широкомасштабного фальшивомонетничества. Так, во Франции приверженцы папы римского лет десять подряд чеканили фальшивые деньги, стремясь подорвать официальный курс, установленный королем-протестантом. А в Испании

Вверху: испанская серебряная монета восемь реалов, отчеканенная в период царствования Филиппа II (1597).

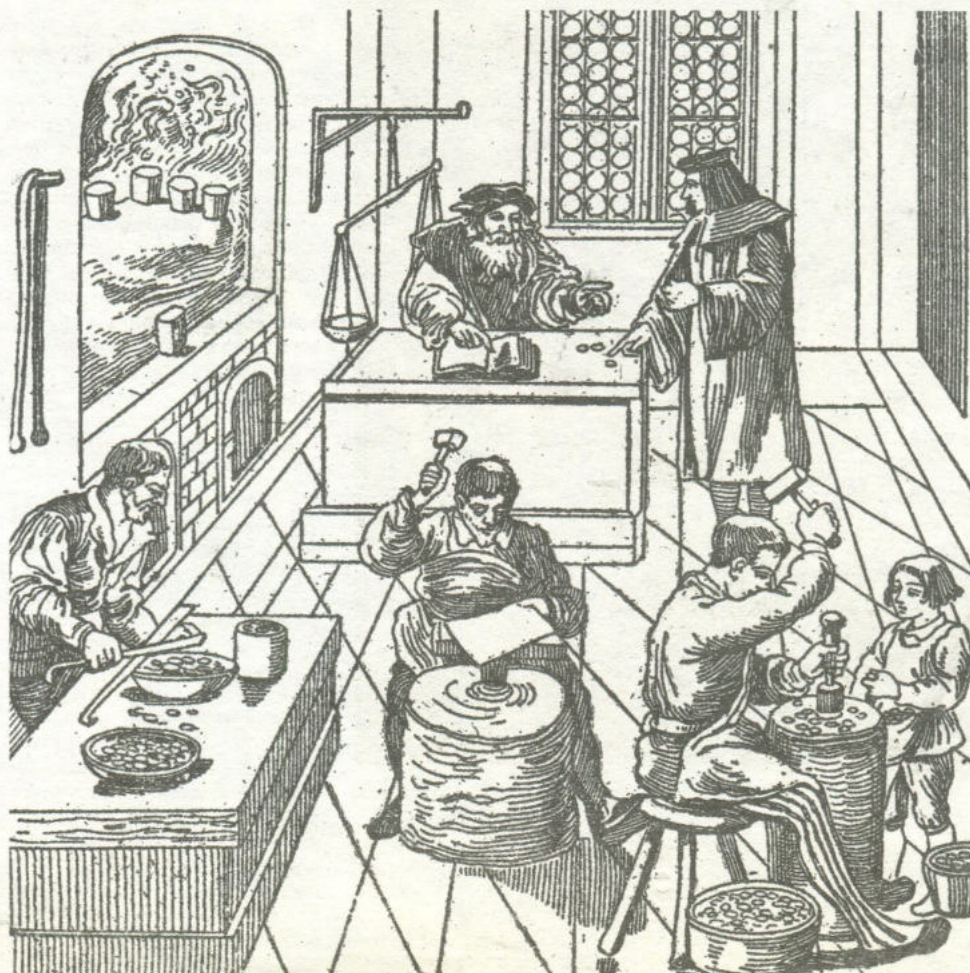
Внизу: чеканка монет во Франции в период царствования Людовика XII (1462—1515).

немалый урон денежной системе нанесли монеты, изготовленные из расхищенных по дороге в Европу драгоценных металлов из Америки.

Со времени открытия Антильских островов, а позднее Америки Испания начала систематический вывоз драгоценных металлов из этих регионов. Караваны судов два раза в год прибывали в сопровождении военного эскорта в Севилью, где располагался испанский монетный двор. Судя по сохранившимся документам, поступления металла в течение XVI в. были весьма значительными: около 250 т золота и 200 тыс. т серебра, что составляло примерно треть изначальных запасов всей Европы. А некоторые историки утверждают, что на подпольные монетные дворы за это время поступило по меньшей мере еще столько же контрабандного металла, не учтенного в портовых документах.

Связанные с выпуском монет злоупотребления бывали, конечно, и менее замысловатыми. Например, группа лиц могла договориться между собой не обращать внимания на указы монарха об изъятии из обращения той или иной монеты. Правители периодически издавали такие указы, объявлявшие монеты недействительными вследствие их неполноценности. Эти монеты подлежали сдаче в казначейство, где их разрубали и затем продавали на вес. Часто — особенно при нехватке денег — случалось так, что внимания на подобные указы не обращали, а запрещенными монетами продолжали пользоваться по взаимно согласованному неофициальному курсу. Именно так случилось, например, с испанскими мелкими монетами во Франции во второй половине XVI в.

Еще большее распространение имела практика использования при расчетах монет официально разрешенных, но по другому курсу,

отличному от курса, установленного указом правителя. В течение двух столетий, начиная именно с XVI в., подлинная цена монет определялась не изображенными на них названиями, а специальными декретами, которые вывешивались в людных местах. Недоверие к официально объявленному курсу все больше росло, становилось привычным, и порой в некоторых районах местный курс монет вдвое превышал официальный. Такое положение серьезно ограничивало способность денег упорядочивать социальные отношения.

Что касается названных выше антимонетчиков, то их можно разделить на две группы. Это были прежде всего те, кто не желал отказываться от меновой торговли. Несмотря на расширение по всей Европе того времени торговли денежной, натуральный обмен все еще был очень распространен, например в бесчисленных сельских общинах. По-своему антимонетчиками были и те, кто в качестве мерила стоимости использовал драгоценные металлы (или даже соль) на вес, избегая тем самым вмешательства в свои сделки каких бы то ни было государственных казначейских институтов.

Способов здесь было предостаточно. Например, в заключаемом договоре предусматривалось, что оплата должна производиться определенным количеством драгоценного металла по весу или определенным числом монет вне зависимости от их объявленной стоимости на данный момент. Такое условие в договорах, пережиток римского права, существовало очень долго. При расчете «наличными» недоверие к существовавшей денежной системе выражалось также в условии произвести оплату «сырым золотом» по согласованному между обеими сторонами тарифу. В XVI в. во Франции от четверти до трети всех сделок оплачивалось ювелирными изделиями (кольца, посуда) или золотым песком, добываемым в реках (старательство тогда практиковалось еще достаточно широко), или даже «спилками» с монет.

Вверху: «Ростовщики», картина Маринуса ван Реймерсваля. Голландская школа (XVI в.).

Слева: на немецкой миниатюре начала XVI в. изображен банкир Якоб II Фуггер Богатый (справа), который проверяет банковские книги вместе со своим старшим бухгалтером. Учреждения Фуггера имелись в Центральной и Западной Европе.

19 Jar 8 mo: 8 tag.

ЛЮСЬЕН ЖИЙАР, французский ученый; работник Национального центра научных исследований, занимается вопросами истории кредитно-денежной политики и практики. В соавторстве с Мари-Терезой Буайе-Ксамбе и Гисленом Делеплясом выпустил книгу «Monnaie privée et pouvoir des princes: l'économie des relations monétaires à la Renaissance» (ENSP/CNRS, 1986).

Заморская торговля

В торговых связях Европы с остальным миром золото в слитках также играло главную роль, хотя для закупки восточных шелков и пряностей широко использовались монеты. До середины XVI в. это были в основном испанские эскудены и венецианские цехины, а позднее — испанские серебряные реалы.

Эти относительно редкие монеты обладали только им присущими отличительными особенностями, не позволявшими перепутать их с другими металлическими деньгами. Чеканились они из чистого металла, имели практически одинаковый вес (3—4 г), и подделать их было трудно; кроме того, выгравированные на них изображения гарантировали только их соответствие стандарту, и потому за пределами национальных границ не было и двух мест, где они имели бы одинаковую стоимость. Когда ими расплачивались при заключении торговых сделок в Европе, их (исходя из количества или по весу) приравнивали к чистому металлу, то есть статус монет они теряли. И в этом отношении (нельзя, конечно, забывать, что были еще войны, работорговля и пиратство) вряд ли можно говорить о том, что заморская торговля, которую вели в то время европейцы, активно способствовала формированию мирового сообщества.

То же можно сказать и о депозитных сертификатах, имевших хождение внутри национальных границ европейских государств в течение почти двух веков, пока их не сменили банков-

ские билеты. Начиная с XVI в. их выдавали некоторые банкиры в обмен на монеты, оседавшие в их сундуках. Такие сертификаты выражали собой обещание банкира немедленно оплатить их по предъявлении и обращались как наличные деньги.

Причиной и одновременно следствием ситуации, сложившейся в то время в Европе, было слабое развитие промышленности и ремесел. С одной стороны, производимого количества товаров было вообще недостаточно для распределения в обществе в целом; с другой — характер основных статей расходов (на войну, на освоение новых земель, на содержание чиновников и импорт предметов роскоши) был таким, что способствовал процветанию лишь паразитирующих классов. Производство носило в основном аграрный характер. Излишки продуктов обменивались либо прямо на месте, либо на ярмарках в определенные периоды года. Предприниматель еще не вышел тогда на авансцену, и главным символом хозяйственной жизни выступал торговец-меняла.

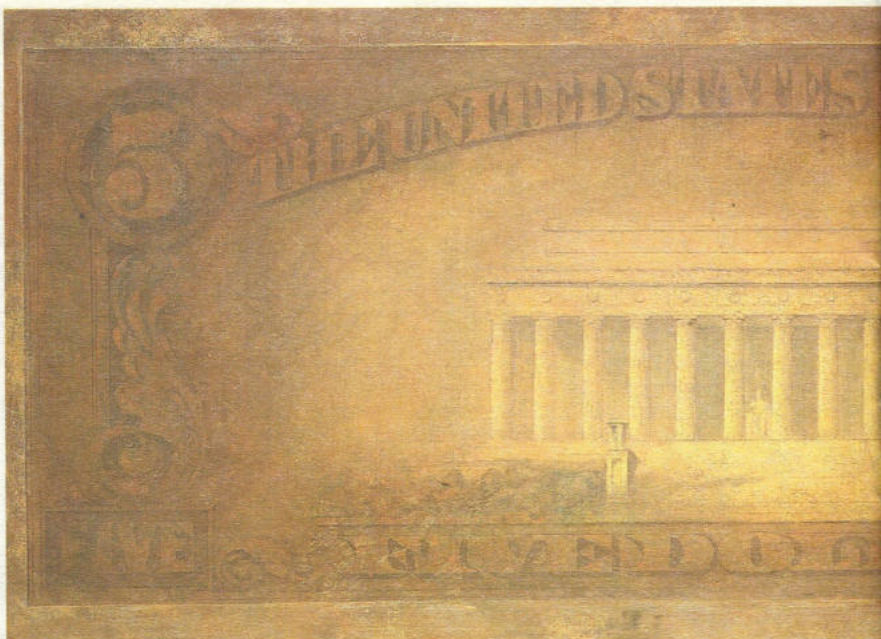
Торговцы-банкиры

Именно они, достигшие апогея своей активности как раз в XVI в., ярче всего иллюстрируют характер денежных отношений в то время. Еще с эпохи средневековья между различными государствами Европы шло перераспределение товаров и сырья, а также поступавших с Востока предметов роскоши, что стимулировало развитие экспортно-импортных торговых операций. Основными их центрами были пять-шесть крупных городов, где периодически устраивались ярмарки и где возник новый вид деятельности: обмен — за плату — национальных единиц расчета.

Торговцы-банкиры, продолжатели традиции, зародившейся на ярмарках Шампани еще в XIII в., закрепили за собой монополию распоряжаться международными обязательствами (по векселям) обычных торговцев — поставщиков товаров. Они внедрились на все европейские ярмарки, образовали сеть агентов и превратились в посредников, без которых теперь никому невозможно было обойтись. Утверждение монополий привело к согласованной оценке каждого международного обязательства, выражавшегося ранее в денежных единицах одной страны. Так, в XVI в. торговцы-банкиры, обосновавшиеся в Лионе, создали то, что фактически могло уже считаться общеевропейской валютной системой.

Определяя международную стоимость различных валют, они неизбежно вступали в конфликты со своими клиентами — ведь при обмене денег менялы наживались за их счет, присваивая себе определенную долю чужих прибылей. Не жаловали торговцев-банкиров и правители, которые сами старались устанавливать официальный курс для иностранных монет, допуская к обращению в их странах. Такие столкновения материальных интересов не раз приводили к многочисленным пертурбациям, к повышению цен. Обостряли положение и распри, вспыхивавшие в кругу самих торговцев-банкиров.

Итак, деньги, выступавшие в качестве всеобщего мерил стоимости и тем самым создавшие определенные связи в системе социальных отношений, послужили также и причиной многих раздоров и столкновений в обществе. Но, превратившись в Европе XVI в. в нового идола, они, как и сам породивший их человек, продолжали — и продолжают до сих пор — выявлять пределы своих возможностей. ■

Возвышение доллара

ЯН А. КРИГЕЛ

Доллар США внес порядок в денежную систему страны, а затем стал основной международной валютой

Слева: три картины художника Исаяи Левинанта (род. в 1914 г.) из серии «Напоминание о США с помощью денежной символики» (1988—1989). Акрилик на холсте. Размер каждой картины 90×210 см. Вверху: серебряная монета, выпущенная в штате Массачусетс в 1787 г.

Во второй половине XIX в. господствующее положение в качестве международного платежного средства занимал британский фунт стерлингов. Из всех возможных соперников, грозивших занять его место, как тогда представлялось, доллар США был последним¹. Соединенные Штаты считались международным должником с довольно неопределенной репутацией, поскольку не имели центрального банка и единой денежной системы. Доминирующее положение доллар занял только в XX в., в результате сложной цепи событий, приведших к созданию в США централизованной банковской структуры — Федеральной резервной системы — и возникновению доллара как платежного обязательства федерального правительства.

Принятая в 1789 г. Конституция Соединенных Штатов не предоставляла федеральному правительству исключительного права на эмиссию денег, каким обладала в то время королевская власть в европейских странах. Отсутствие четкого законодательства в сфере денежного обращения породило бесчисленное множество разнообразных средств платежа при полной бесконтрольности со стороны центра и без его поддержки. В таких ненормальных условиях законным платежным средством вплоть до 1857 г. служили даже иностранные монеты, и еще в 1901 г. серебряные рудники в Орегоне выпускали собственные монеты «для коммерческого использования».

Вследствие широко распространившихся банкротств местных денежных систем выпуск бумажных денег отдельными штатами был запрещен. Однако ничто не мешало им учреждать банки, имевшие право свободной эмиссии платежных средств. Штат Кентукки, например, создал частный банк и, являясь его единственным владель-

цем, приступил к платежам собственными банкнотами. Такого рода индивидуализм в сфере денежного обращения был обычной практикой, что выражалось, в частности, в появлении «диких» банков и в господстве в законодательстве штатов в этот период идеи «свободного банковского дела», в соответствии с которой любое лицо (или группа лиц) имело право открыть банк и начать выпуск банкнот — без каких-либо лицензий и контроля.

Отсутствие общенационального банка означало, что даже федеральному правительству приходилось либо вести свои финансовые дела через частные банки, либо рассчитываться звонкой монетой или слитками золота и серебра. В 1840 г. президент США Мартин Ван Бурен установил так называемую Независимую казначейскую систему, обслуживавшую сделки правительства через свои отделения, расположенные по всей стране. Поскольку казначейство не являлось банком и не могло выпускать банкноты, все поступления и расходы правительства должны были выплачиваться золотом или серебром. Расходы, превышавшие налоговые платежи, финансировались только за счет выпуска государственных ценных бумаг, приобретавшихся на золото.

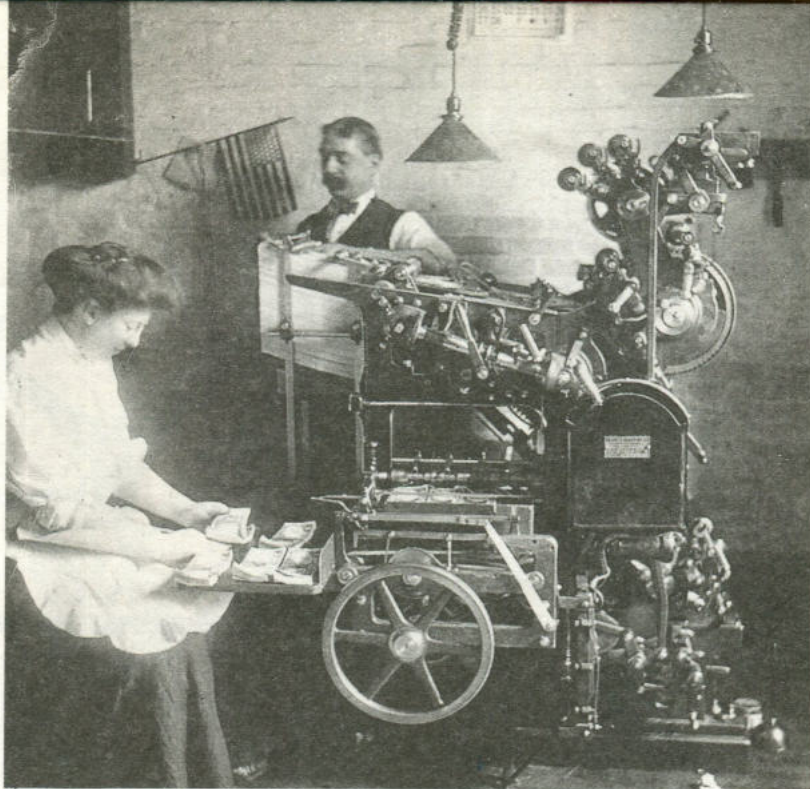
Гражданская война и первые «гринбеки»

Истоки преобразований в сфере денежного обращения, проведенных в конце XIX в., были связаны с необходимостью финансировать Гражданскую войну 1861—1865 гг. Казначейство выпустило сначала «векселя на предъявителя», которые, собственно говоря, не являлись законным платежным средством, но обменивались на золото. Однако сокращавшийся золотой запас казначейства вскоре вынудил отказаться от обратимости этих банкнот, и финансирование военных усилий продолжалось путем выпуска бумажных «банкнот Соединенных Штатов», обеспечением которых было лишь доверие правительству. Их прозвали «гринбеками» («зелеными спинками») — название, под которым доллары США известны во всем мире и по сей день.

Выпуск «гринбеков» был ограничен суммой 433 млн, поэтому растущие трудности получения кредитов и все возрастающие расходы вынудили секретаря казначейства Салмона П. Чейза ввести «свободу банковских операций» в масштабе всей страны. Акт о национальных банках 1863 г. разрешал любой группе из пяти человек образовывать «национальную банковскую ассоциацию» и выпускать «национальные банкноты» в количестве, равном их вкладам в облигации федерального правительства, которые депонировались у контролера денежного обращения государственного казначейства².

Чтобы предотвратить конкуренцию с федеральными бумагами, выпускавшиеся штатами банкноты облагались налогом в размере 10%, что позволило вскоре вытеснить их из обращения. Банки штатов противопоставили этому выпуск платежных чеков под обеспечение своими депозитными счетами, что явилось весьма притягательной заменой «национальных банкнот».

К концу Гражданской войны многообразные платежные средства, представлявшие собой долговые обязательства тысяч банков штатов, в значительной мере обесценились по отношению к

«гринбекам» и «национальным банкнотам», поскольку хотя ни те, ни другие на золото не обменивались, выпуск последних строго лимитировался. Таким образом, денежный запас Соединенных Штатов оставался неизменным и был не способен реагировать ни на колебания в торговле, ни на частые паники, возникавшие в результате краха действовавших на свой страх и риск банков штатов (так, например, через два года после введения свободы банковского дела в Мичигане разорились все его сорок банков).

Твердый золотой стандарт доллара

Поскольку Соединенные Штаты были в основном страной сельскохозяйственной, спрос на денежные средства был связан с закупкой урожая. После его продажи вклады фермеров в банках сельскохозяйственных районов росли, что приводило к нехватке фондов в городских банках восточного региона страны. Национальная банковская система, состоявшая из небольших отделений, не имела механизма для повторного оборота избыточных фондов, возможного в банке многоотраслевого. Более того, при отсутствии центрального банка, который ссужал бы резервные фонды, преодолеть такого рода колебания можно было только изменением процентных ставок или же объявлением о банкротстве банка. Все это вместе с утечкой металла в казначейство и отсутствием строгих банковских правил привело к чрезвычайной нестабильности и частым кризисам.

Причину такой нестабильности некоторые видели в отсутствии металлических денег, и этот аргумент активно использовали те, кто стремился сделать серебро основой денежной системы Соединенных Штатов. В защиту неограниченной чеканки серебряных монет как законного платежного средства выступил Уильям Дженнингс Брайан, возглавлявший «Движение за свободное серебро». Принятый в 1878 г. закон Блэнда-Аллисона разрешил казначейству выпуск серебряных сертификатов (денежных знаков, обеспеченных

серебром), которые с 1886 г. стали законным платежным средством; в то же время антитрестовский закон Шермана 1890 г. практически вынуждал казначейство скупать все серебро, добывавшееся на рудниках Соединенных Штатов. В 1882 г. были приняты аналогичные меры и в отношении золотых сертификатов, однако ни одна из этих мер, призванных обеспечить платежным средствам необходимую гибкость, результатов не дала.

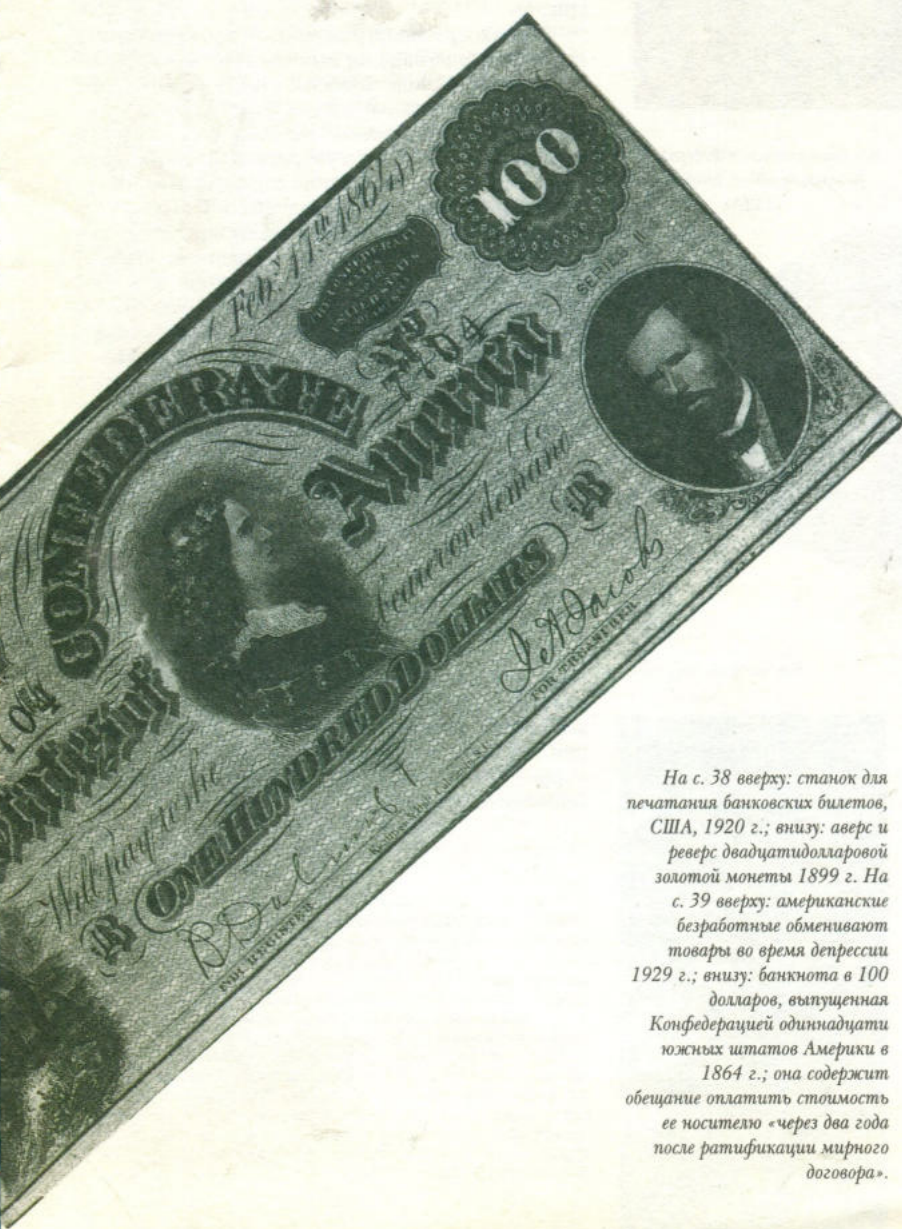
Принятая система создавала серьезные проблемы как международного, так и внутреннего характера, поскольку колебания спроса на ликвидность могли удовлетворяться только международным движением золота, что в свою очередь создавало нестабильность в мировой монетарной системе. Особенно резко это проявилось в 1893 г., когда опасения, что Соединенные Штаты откажутся признать свой государственный долг в золоте и будут оплачивать его серебром, цена которого на мировых рынках катастрофически падала, привели к резкому оттоку золота из страны и разорению многих банков.

Создание Федеральной резервной системы

Отток золота удалось предотвратить введением Закона о золотом стандарте 1900 г., который установил для доллара прочный золотой стандарт³ и потребовал, чтобы национальные банки обеспечивали золотом выпускавшиеся ими банкноты. В 1899—1910 гг. количество золота как на руках у населения, так и в казначействе почти утроилось. Доля США в мировом монетарном золотом запасе возросла примерно с 15 до 30%, и это произошло в то время, когда многие другие страны (Австро-Венгрия, Россия, Япония) также переходили на золотой стандарт. Поскольку рост поступлений золота шел медленно, его накопление в Соединенных Штатах вызвало еще большие трудности, чем прежний его отлив. Это объяснялось главным образом тем, что после поступления золота в казначейство его нельзя было получить обратно — оно могло использоваться только для финансирования дефицита платежного баланса (а в тот период страна имела активное сальдо). В условиях существования независимой казначейской системы золото не могло служить основой денежной эмиссии или ссудным резервом.

В 1907 г. еще один банковский кризис настоятельно напомнил законодателям о необходимости создания такого национального института, который реагировал бы на колебания в спросе на ликвидность каким-то другим путем, не привлекая золото из-за границы. В конечном счете принятым в 1913 г. Актом о Федеральной резервной системе такое учреждение и было создано.

В соответствии с этим документом вся территория страны была поделена на двенадцать резервных округов, каждый со своим федеральным резервным банком, которые начали функционировать 2 ноября 1914 г. В новую банковскую структуру Соединенных Штатов обязаны были войти и существовавшие национальные банки, которые, выкупив акции федеральных резервных банков, стали их членами. Федеральные резервные банки получили право выпускать новые платежные средства — федеральные резервные банкноты, являвшиеся законным платежным средством для погашения всех видов

На с. 38 сверху: станок для печатания банковских билетов, США, 1920 г.; внизу: аверс и реверс двадцатидолларовой золотой монеты 1899 г. На с. 39 сверху: американские безработные обменивают товары во время депрессии 1929 г.; внизу: банкнота в 100 долларов, выпущенная Конфедерацией одиннадцати южных штатов Америки в 1864 г.; она содержит обещание оплатить стоимость ее носителю «через два года после ратификации мирного договора».

задолженности и обязательств как банков, так и правительства Соединенных Штатов.

Новые банкноты предназначались для замены выпускавшихся национальными банками. Их эмиссия обеспечивалась золотом минимум на 40%, остальные банкноты выпускались под обеспечение простыми или переводными векселями и другими приемлемыми активами, которые приобретались с дисконтом у банков-членов. Такая схема отвечала необходимости иметь эластичные платежные средства, количество которых могло расширяться и сокращаться в соответствии с колебаниями торговли и ситуацией в банковской системе. Если банк — член резервной системы испытывал недостаток ликвидности, он мог приобрести ее, дисконтировав свои активы в федеральном резервном банке своего округа в обмен на федеральные резервные банкноты.

Отношения назначаемого президентом страны Совета управляющих Федеральной резервной системы (штаб-квартира его находится в Вашингтоне) с федеральными резервными банками, которые принадлежали частным банкирам и ими же управлялись, были довольно неопределенными: оставалось неясным, кто же, собственно, нес ответственность за кредитно-денежную политику, поскольку за частными банкирами сохранялось явно главенствующее положение.

Тем не менее предпосылки для последующего возвышения доллара на международной арене были теперь созданы: во-первых, произошло огромное сосредоточение мирового золотого запаса в Соединенных Штатах, что вынуждало международную кредитно-денежную систему развиваться в сторону золотого стандарта, во-вторых, было создано единое национальное средство обращения, выпускавшееся одним учреждением с полномочиями последнего кредитора.

Война 1914—1918 гг. ослабила позиции Великобритании, и в послевоенный период возвращение доллара к золотому обеспечению строилось на более прочной основе, чем у фунта стерлин-

Золотые слитки в Федеральном резервном банке, Нью-Йорк (США).

ЯН А. КРИГЕЛ, американский ученый; профессор экономики отделения Университета Джона Гопкинса (Балтимор, США) в Болонье, Италия. Среди его печатных работ «The Reconstruction of Political Economy» (1983) и «Inflation and Income Crisis» (1989). Обе книги опубликованы издательством «Макмиллан». Ему принадлежат также ряд статей в журналах «American Economic Review» и «The Journal of Post-Keynesian Economics».

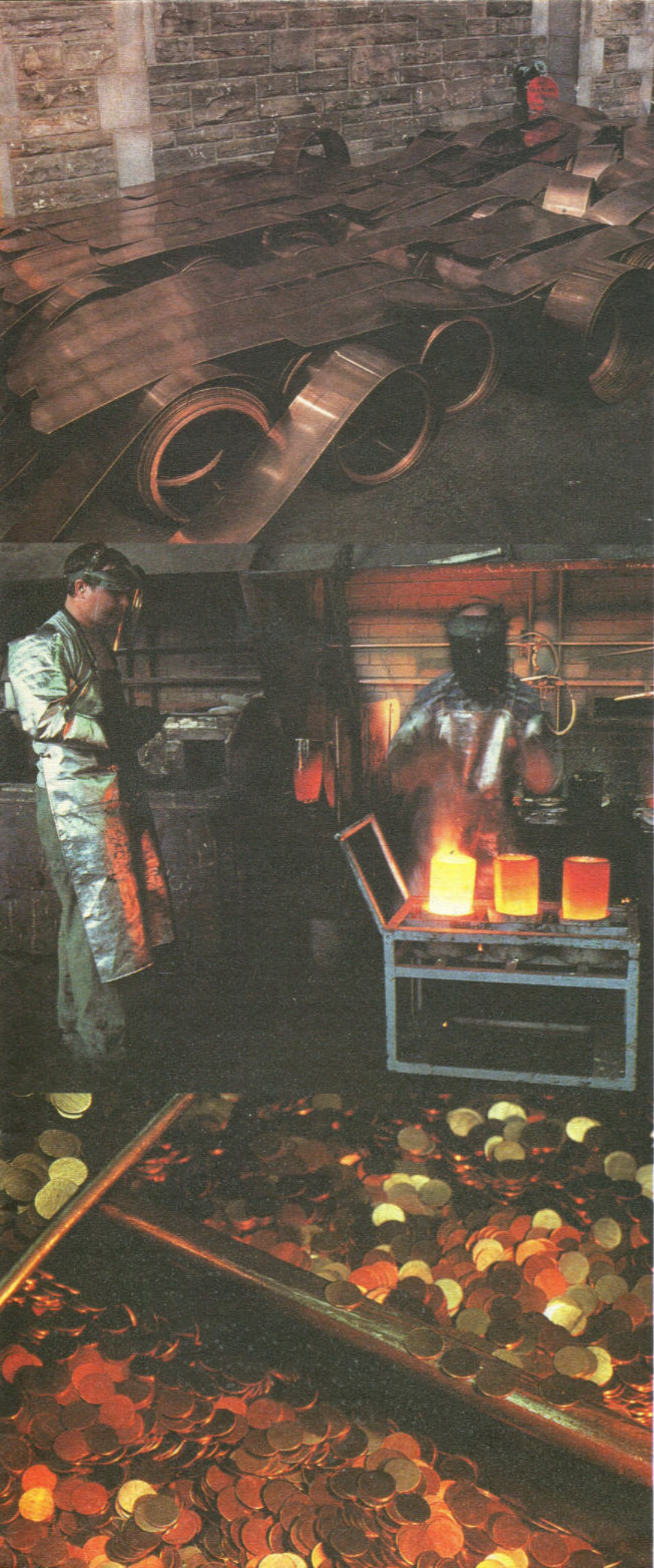
гов. Более того, в «бурные 20-е» с развитием радио и появлением автомобиля в экономике Соединенных Штатов после непродолжительного спада наметился резкий подъем.

Массовое перемещение капиталовложений в Соединенные Штаты, вызванное сначала быстрым ростом и биржевым бумом, а затем высокими процентными ставками, установленными с целью противостоять спекулятивному подъему цен на Уолл-стрит, нанесло жестокий удар международной финансовой системе, нарушило стабильность обменного курса валют. Крах фондовой биржи в 1929 г. вызвал всеобщее разорение банков, предотвратить которое Федеральная резервная система оказалась не в состоянии, и последовавшее вслед за этим резкое обесценение инвестированных капиталов привело к мировому кризису.

Широко распространившаяся практика обмана со стороны банков, выявившаяся после краха Уолл-стрит, свидетельствовала о слабом контроле за их деятельностью Совета управляющих Федеральной резервной системы, о его недостаточной способности регулировать кредитно-денежную политику так, чтобы предотвратить разорение даже хорошо управляемых банков. Осуществленный тогда ряд мер, в том числе национализация золотого запаса, девальвация доллара по отношению к золоту (до 35 долларов за унцию золота) и Закон о банках 1935 г., предоставивший Совету управляющих полномочия осуществлять действенный контроль над кредитно-денежной политикой, создали наконец систему, эквивалентную по своим функциям европейскому центральному банку.

Итак, в период между двумя мировыми войнами укрепились и внутренняя финансовая система Соединенных Штатов, и роль американского доллара как международной резервной валюты. Страна была уже готова подорвать репутацию Лондона как мирового банкира, когда вспыхнувшая вторая мировая война лишила Сити его прежней надежности и превратила Великобританию из международного кредитора в международного должника. Соединенные Штаты стали главным кредитором в мире, и любая страна, желавшая закупить товары для послевоенного восстановления, должна была приобретать доллары. Так доллар стал лидирующей валютой мировой экономики. ■

1. В Америке англоязычное население испанских и английских колоний называло испанское песо «долларом». Широкое распространение этой монеты и явилось причиной того, что появившаяся в 1792 г. денежная единица Соединенных Штатов была названа долларом. Само это слово является измененной формой слова германского происхождения «талер». — *Прим. ред.*
2. Должностное лицо казначейства, отвечающее за внешний вид и выпуск национальных банкнот. — *Прим. ред.*
3. При полном золотом стандарте в обращении находятся золотые монеты и по требованию банкноты могут обмениваться на золото. Это означает, что страна, придерживающаяся золотого стандарта, должна иметь достаточный золотой запас, чтобы производить обмен. При золотодевизном стандарте резервы страны выражаются в запасах другой валюты, основанной на золотом стандарте. — *Прим. ред.*

Проблемы и парадоксы денег

*Сложная роль денежной системы в
современных обществах*

ГИСЛЕН ДЕЛЕПЛЯС

ВЗГЛЯДЫ экономистов на проблему денег нередко весьма любопытны. Когда в XVIII в. банки начали выпускать бумажные банковские билеты, предоставив тем самым возможность создавать деньги независимо от объема производства драгоценных металлов, экономисты стали говорить о том, что деньги — это вторичное явление, которым можно пренебречь при изучении фундаментальных экономических законов. Однако подобная точка зрения, широко распространенная и по сей день, не мешает экономистам постоянно обрушиваться на беспорядок в денежной системе, которым они объясняют экономическую нестабильность несмотря на то, что роль денег в функционировании экономики признают второстепенной. Такое парадоксальное отношение заслуживает по меньшей мере внимательного изучения денег и того места, которое они занимают в современном обществе.

Прежде всего следует сказать, что именно анализ проблем денежного обращения в обществе дал толчок развитию европейской экономической мысли в эпоху Возрождения. Деньги рассматривались одновременно и как воплощение богатства, нажитого торговлей, и как атрибут королевской власти. Отношения между правителями и торговцами были в то время центральной темой изучения денежного обращения и основой для разработки экономической теории общества.

Такой подход к вопросу коренным образом изменился в XVIII в., как об этом свидетельствует высказывание Дэвида Юма (1711—1776): «Деньги, строго говоря, не есть предмет торгов-

Изготовление медных монет на Королевском монетном дворе в Канаде.

ли, это всего лишь инструмент, которым люди согласились пользоваться для облегчения обмена одного товара на другой. Это не двигатель торговли, а смазка, которая помогает легко и плавно вращаться колесам».

Эта чисто инструментальная концепция денег была частью представлений об обществе, в котором рынок является единственным регулирующим механизмом. Государь или государство имеют здесь побочное значение, они лишаются координирующей роли в отношениях между частными лицами — торговцами, естественно связанными друг с другом в «торговом обществе». При подобном взгляде деньги рассматриваются как своего рода «вуаль», которой маскируется товарообмен и которую необходимо отбросить, если мы хотим выявить реальности экономических явлений. Любая попытка государства активно вмешаться в управление денежным обращением есть угроза социальной гармонии, которая автоматически устанавливается законами конкуренции.

Таким образом, постепенная «дематериализация» денег рассматривается как средство упрощения торговых отношений. В качестве денег выступают определенные предметы, известные в данном обществе. Эта роль последовательно переходит от того или иного металла к золотым или серебряным слиткам, монетам, золотым сертификатам, затем к банкнотам, чекам и кредитным карточкам и, наконец, к «электронным деньгам». В результате этой «дематериализации» деньги становятся всего лишь передаточным механизмом и утрачивают связь с любыми предметами, гарантирующими их внутреннюю стоимость.

Инструмент товарообмена или воплощение богатства?

Однако такой «инструментальный» подход к проблеме денег, как бы он ни отвечал взгляду на общество, в котором главное регулирующее воздействие отводится рынку, не лишен собственных противоречий. Основное из них состоит в том, что, даже если оставить в стороне вопрос о государственном вмешательстве, сама природа денежных отношений затрудняет (или делает невозможным) существование «хороших» денег, то есть правильно выполняющих свою посредническую функцию.

В самом деле, в отличие от простого товарного обмена, когда покупатель товара X выступает одновременно и как продавец товара Y, товарообмен, связанный с использованием денег, состоит из двух различных сделок, происходящих не одновременно: сначала товар Y уступают за деньги (то есть ничего не покупается), а затем деньги используются для того, чтобы приобрести товар X (то есть при этом ничего не продается). Когда деньги служат всего лишь инструментом обмена, лицо, участвующее в сделке, не станет ее заключать, если она не принесет ему выгоды. Согласно учебникам, единственная выгода заключается в том, что легче найти отдельно покупателя для Y и отдельно продавца X, нежели того, кто в одно и то же время желает и приобрести Y, и продать X.

Но остается еще одна проблема — обеспечить, чтобы выгода не была сведена к нулю из-за каких-либо препятствий использовать деньги, вырученные от продажи Y, для покупки X; или чтобы участник сделки не получил за деньги меньше X, чем он получил бы его путем простого товарного обмена. Для того чтобы человек предпочел способ товарообмена посредством денег (именно это и является основным аргу-

Австрийский серебряный талер 1780 г. с изображением австрийской эрцгерцогини Марии Терезии. Эти монеты получили распространение от Красного моря до берегов Атлантики.

Английский банк в Лондоне (1871).

На с. 43 вверху: французский нумизмат Жозеф Пеллерен (1684—1782), собравший коллекцию из 32 500 редких древних монет. О результатах инфляции в Германии в 1923 г. свидетельствуют банковский билет в 50 млрд марок (в центре) и фотография, на которой запечатлены дети, платящие за свое обучение в школе продуктами (внизу).

ментом при «инструментальном» подходе), необходимо, чтобы деньги, полученные им как продавцом, сохраняли свою покупательную способность все то время, которое разделяет обе сделки.

В этом и заключается противоречие. Ведь если инструмент, выбранный в качестве денег, не выполняет свою функцию хранилища покупательной способности (в том смысле, что неизменность этой покупательной способности ничем не гарантирована), то те, кто владеет этим инструментом, будут стремиться избавиться от него так же быстро, как они его получили, или даже просто вернуться к обычной меновой торговле. Именно такое поведение характерно для гиперинфляции.

Если же, наоборот, выбранный в качестве денег инструмент хорошо выполняет свою функцию, то люди стремятся к его накоплению,

к превращению его в капитал, то есть к выведению его из обращения, что в свою очередь является помехой для выполнения деньгами функции средств обращения.

Это явление обнаружилось очень рано, еще в эпоху металлических денег — монетного обращения. Его называли «законом Грешема», по имени английского финансиста XVI в., который заметил, что «худшие деньги вытесняют из обращения лучшие». Однако это в равной степени относится и к бумажным деньгам¹, поскольку они основываются на доверии делового мира к ним как к хранилищу покупательной способности. В 30-е годы XX в. английский экономист Джон Мейнард Кейнс обосновал, что «предпочтение ликвидности» есть главная причина неспособности денежной экономики достичь стабильного уровня полной занятости. В международном плане это проявилось в «дилемме Триффина» (по имени американского экономиста Роберта Триффина), которая отражает тот факт, что в 50-х годах США были не в состоянии одновременно обеспечивать мировую ликвидность (мобильность банковских активов) и поддерживать доверие к доллару как резервной валюте.

Следовательно, рассматривать деньги лишь в качестве средства обмена, порождаемого рыночными силами, было бы ошибкой; если же исходить из того, что деловой мир «предпочитает» придерживать деньги как воплощение богатства на основе простого экономического расчета, то это грозит возрастанием риска расстройства денежного обращения.

В противоположность «инструментальной» теории денег существует и другой — «институ-

1. Бумажные деньги — это такие деньги, законность которых определяется государственными установлениями, хотя на золото они не обмениваются. — Прим. ред.

циональный» — подход, предполагающий активное вмешательство в сферу денежного обращения. Он также породил ряд интересных концепций, согласно которым деньги есть не «придаток», а обязательное условие самого существования рынка, и потому правильное управление сферой денежного обращения вызывает меньшие потрясения и позволяет даже оказывать благоприятное воздействие на экономику в целом.

Однако подобные точки зрения стали связывать с представлением о том, что деньги изначально «создаются» государством, которое, в частности, наделяет бумажные деньги статусом законного платежного средства. Именно это происходило, например, после первой мировой войны. Но принижение денег до роли атрибута государственной власти также порождало ряд парадоксов, главный из которых заключается в том, что при таком подходе история денег предстает, по сути, историей постоянной борьбы частных лиц против этой стороны государственной власти.

Сдерживание власти государства над деньгами

В XVI в. в обращении находились не маркированные слитки золота и серебра, а монеты, монополия на чеканку которых принадлежала правителю, определявшему их законную стоимость в единицах счета. Золото и серебро не были деньгами-товаром; лишь волей государя, его указом, они превращались в металлические деньги определенной стоимости. Однако «частный» деловой мир постоянно оспаривал этот устанавливаемый законом государства курс, используя монеты в соответствии со «свободным курсом», как правило, более высоким. Такое обесценение средств обращения — поскольку на практике каждая счетная единица представляла меньшее количество золота или серебра, чем устанавливалось официально, — было фактически определенной формой инфляции, свидетельством того, что правители не могли распоряжаться деньгами совершенно произвольно.

«Монетарная сила» государства имела, таким образом, два серьезных ограничения. С одной стороны, решения представителей делового мира оказывали определенное воздействие на создание денег — как с точки зрения предложения (невозможность обеспечить всеохватывающий контроль за чеканкой металлических монет; относительная самостоятельность банков в выпуске бумажных денег), так и с точки зрения спроса (ведь в конечном счете объем эмиссии зависел все-таки от решений частных лиц, которые могли или принести свое золото на монетный двор, или взять заем в банке). С другой стороны, подход частных лиц к вопросам обращения мог отражать их сопротивление государственному управлению этим процессом, что приводило либо к внутреннему (инфляции), либо внешнему (снижению обменного курса) обесценению денег.

Если сопоставить эти два противоположных подхода, то можно констатировать, что деньги не являлись ни товаром с присущей ему внутренней ценностью, ни атрибутом государственной власти. Они скорее являются предпосылками существования рынка и выражением определенных социальных связей, позволяющих государству выполнять свои функции. Поэтому характер денежного обращения — это совокупность правил, свойственных данному обществу.

Каково же с этой точки зрения различие между деньгами прошлого и настоящего? Обычно говорят, что современные деньги — это «бумажки», тогда как в старину они представляли собой деньги-товар. В прошлом металлические монеты имели собственную внутреннюю стоимость, регулируемую рынком соответствующего металла; противопоставляемые им «дематериализованные» деньги настоящего основаны лишь на доверии к государству, которое и устанавливает их стоимость как средства платежа. Однако такое противопоставление неправомерно, ибо никакая денежная экономика не может функционировать без некоей абстракт-

последнего кредитора. Такой «банк банков», или центральный банк, играет двоякую роль. С одной стороны, он выступает в качестве расчетной палаты межбанковских платежей и с этой целью устанавливает расценки банковских выплат в национальных счетных единицах (вопреки принятому мнению франк, доллар или фунт, выплаченный одним коммерческим банком, не тот же самый франк, доллар, или фунт, что и в другом коммерческом банке). Кроме того, акцептование чеков, выданных на тот или иной банк (и, следовательно, использование банковских депозитов как денег), предполагает наличие системы компенсационных выплат,

Вход в сейф французского банка.

ной единицы счета, которая прекрасно сосуществует с металлическими средствами обращения.

Современные деньги

Что же касается современных денег, то их можно определить на основе двух характеристик, присущих обращению так называемых банковских денег. Во-первых, функция банков как эмиссионных центров позволяет определенной категории лиц — предпринимателям — получать деньги в кредит — под обещание будущей деятельности. И хотя доступ к банковскому кредиту в настоящее время распространяется на представителей всех экономических слоев общества, существует значительная разница между теми, кто «занимает на основе своих прошлых доходов (или вероятности того, что и в будущем они будут продолжать получать эти доходы)» — это главным образом работники по найму, и теми (к ним относятся предприниматели), кому кредит предоставляется на основе запланированного коммерческого проекта, успех которого (а успехом и обеспечивается погашение займа) является в известной мере неопределенным. С этой точки зрения кредитная функция банков несет в себе некоторый элемент социальной дискриминации. Однако в то же время она обеспечивает динамизм экономики, поскольку, как отмечал Джон Мейнард Кейнс, «это позволяет предпринимателям уверенно идти вперед».

Во-вторых, банковская система иерархична по своей структуре: деятельность банков «второго ранга» зависит от существования банка —

устанавливаемых центральным банковским органом.

С другой стороны, предоставляя возможность получить в случае необходимости нужные средства, центральный банк страхует другие банки от невыполнения обязательств по ссудам, риск которого всегда остается, ибо он связан с самим механизмом кредитования. Такой метод обеспечения банковской деятельности (конечно, не автоматический) приводит к тому, что последствия неспособности части предпринимателей выполнить свои обязательства по погашению кредита перекладываются на общество в целом, что, конечно, сказывается на уровне инфляции или обменном курсе. Однако в то же время подобный механизм придает системе относительную гибкость, что позволяет избежать распространения банкротств.

Указанные свойства свидетельствуют о том, что корни современной денежной системы лежат глубже той эпохи, когда они заменили собой металлические монеты. Истоки надо искать в XVI в. — во взаимоотношениях, связывающих металлические монеты («центральные» деньги), которые чеканились по указам государей, с векселями, пускаемыми в обращение по всей Европе итальянскими торговцами-банкирами («банковские» деньги).

Мерило общественной деловой активности, деньги воплощают в себе законы, которыми обеспечивается сложное развитие экономики. Они парадоксальны по своей сути, так как одновременно являются предпосылкой и следствием экономической деятельности. Поэтому совсем не удивительно, что деньги постоянно вращаются в сфере практической деятельности и в то же время составляют предмет теоретических исследований.

ГИСЛЕН ДЕЛЕПЛЯС,
французский ученый;
профессор экономики в
Орлеанском
университете.
В соавторстве с
Мари-Терезой
Буайе-Ксамбе
и Люсьеном Жийаром
написал книгу
«Théories du capitalisme»
(Maspéro, Paris 1979) и
«Monnaie privée et pouvoir
des princes: l'économie
des relations monétaires à
la Renaissance»
(FNSP/CNRS, 1986).

НА ЭКРАНЕ ВЕЛИКИЙ АРХИТЕКТОР БАРСЕЛОНЫ

На Втором Лозаннском международном фестивале фильмов об архитектуре и градостроительстве первая премия была присуждена фильму Мануэля Уэрга «Гавди» (Испания, 1988 г., 35 мм, черно-белый, 57 минут). Фильм рассказывает о наиболее крупных событиях в жизни выдающегося архитектора Антонио Гавди (1852—1926) и об эпохе, в которую он творил.

ЭНЗИМ И МУМИЯ

Впервые немецкие ученые из университета в Тюбингене (ФРГ) продемонстрировали, что энзим, извлеченный из церебральной ткани мумии, насчитывающей 3100 лет, находится в абсолютно «годном для работы состоянии». С помощью контрольного эксперимента было доказано, что его деятельность не объясняется наличием бактерий.

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

По приглашению министра культуры Франции Жака Ланга в Блуа состоялась встреча, в которой участвовало свыше ста европейских художников и представителей интеллигенции. Они приняли решение создать в Париже в 1990 г. совещание, на котором будет обсуждаться проблема «свободного передвижения культурных ценностей» и учреждена ежегодная европейская литературная премия. Предполагается, что ее вручат в 1990 г. в Глазго (Великобритания).

СОВЕТ АВТОРУ

В октябре 1989 г. скончался известный алжирский писатель Катеб Ясин, чей роман «Неджда» (1956) оказал большое влияние на франкоязычную литературу Северной Африки. В предисловии к его «Избранным произведениям» Катрин Анно рассказывает эпизод из его жизни, который свидетельствует о положении писателя, живущего в обществе, где высок процент неграмотности. Однажды в Сиди-Бель-Аббесе его остановил старик и сказал: «Ты, кажется, писатель. Если это так, то сядь и послушай меня».

СЛЕДУЮЩИЙ — ЮПИТЕР

18 октября 1989 г. с американского корабля многоцелевого использования «Атлантис» был запущен космический аппарат «Галилео». Через шесть лет, преодолев 3900 млн км, в июле 1995 г., он окажется на достаточно близком расстоянии от Юпитера и произведет детальное исследование этой планеты и ее шестнадцати спутников, известных в настоящее время. Данные, которые будут передаваться с «Галилео» во время этого долгого путешествия, сыграют важную роль в расширении наших знаний о Вселенной.

КАСПАРОВ ПОБЕЖДАЕТ КОМПЬЮТЕР

Советский шахматист чемпион мира Гарри Каспаров нанес поражение обладающему большими возможностями компьютеру «Deep Thought», созданному аспирантами университета Карнеги-Меллон в Питтсбурге (США). В первой из двух партий (после 52-го хода противника и 20 часов игры) компьютер «признал себя побежденным». Во второй партии компьютер «сдался» через два часа после 37-го хода Каспарова. Компьютер может за секунду проанализировать до 700 тыс. вариантов и рассчитать от 5 до 20 ходов с каждой стороны. «Это хороший игрок, — сказал Каспаров, — но без чувства позиции и практического опыта».

НОВЫЙ ДИРИЖЕР БЕРЛИНСКОГО ОРКЕСТРА

Итальянский музыкант Клаудио Аббадо стал главным дирижером Берлинского филармонического оркестра, заменив на этом посту Герберта фон Караяна, скончавшегося 16 июля 1989 г. Клаудио Аббадо был избран на эту должность 8 октября тайным голосованием, в котором приняли участие 120 музыкантов оркестра.

ГЕНЕТИКА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Генетическому наследию и правам человека был посвящен семинар, состоявшийся в Париже в конце октября 1989 г. Организаторы семинара — Комиссия европейских сообществ, Университет Париж VII и Европейский университет исследований при содействии ЮНЕСКО, французского Национального научно-исследовательского института медицины и здравоохранения, а также французских министерств науки и техники и иностранных дел. Впервые биологи (совместно с медиками, философами, юристами и специалистами в области гуманитарных наук) получили возможность обсудить широкий круг проблем, касающихся генетических исследований.

50-ЛЕТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА

Французский Национальный центр научных исследований (CNRS), основанный в октябре 1939 г., только что отметил свое 50-летие. Насчитывающий 26 тыс. служащих (исследователей, инженеров, техников и административных работников), имеющий бюджет свыше 9 млрд франков и 1300 лабораторий (собственные или используемые совместно с другими институтами), Центр является крупнейшим научно-исследовательским учреждением Европы. Он связан соглашениями о сотрудничестве с 55 зарубежными научными учреждениями.

ПСИХИАТРИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Более 4600 психиатров из 81 страны приняли участие в VIII Всемирном конгрессе психиатров (Афины, 12—19 октября 1989 г.). Его участники признали, что наряду с генетическими факторами окружающая среда играет важную роль в возникновении психических заболеваний и их лечении. Они пришли к заключению о необходимости ликвидировать психиатрические больницы с большим количеством пациентов, где больные пребывают длительное время.

МОРАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

В недавнем интервью парижской газете «Фигаро» генеральный секретарь ООН Х. Перес де Кузьяр так охарактеризовал роль генерального секретаря: «Я не могу бороться в одиночку. Надо, чтобы мне помогали государства-члены. У меня есть только моральная сила. Политической и военной силами обладает Совет Безопасности».

СОТРУДНИЧЕСТВО ЮГ—ЮГ

Представители глав государств и правительств пятнадцати латиноамериканских, африканских и азиатских стран собрались в Женеве 6 и 7 ноября 1989 г., чтобы обсудить основы «плана действий по сотрудничеству Юг—Юг». Первая встреча на высшем уровне состоится в мае 1990 г., по всей вероятности в Индии.

ПРИЗРАК СЕВЕЗО

Учеными университета штата Миссури недавно был сделан лабораторный анализ, который показал, что в подвале химического завода в районе Ченджо к северу от Генуи через 13 лет после катастрофы в Севезо близ Милана скопилось тонна высокотоксичного диоксида. Итальянское правительство поручило Высшему институту медицины сделать свой анализ и предложило привлечь экспертов из Всемирной организации здравоохранения к изучению его результатов.

ЗАПРЕЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ СЛОНОВОЙ КОСТЬЮ

VII конференция государств—участников Международной Конвенции о торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, завершившаяся 20 октября 1989 г. в Лозанне, подавляющим большинством голосов приняла решение о всеобщем запрещении торговли слоновой костью до 1992 г., когда состоится следующая конференция Конвенции.

БОРЬБА СВЕТА И ТЬМЫ

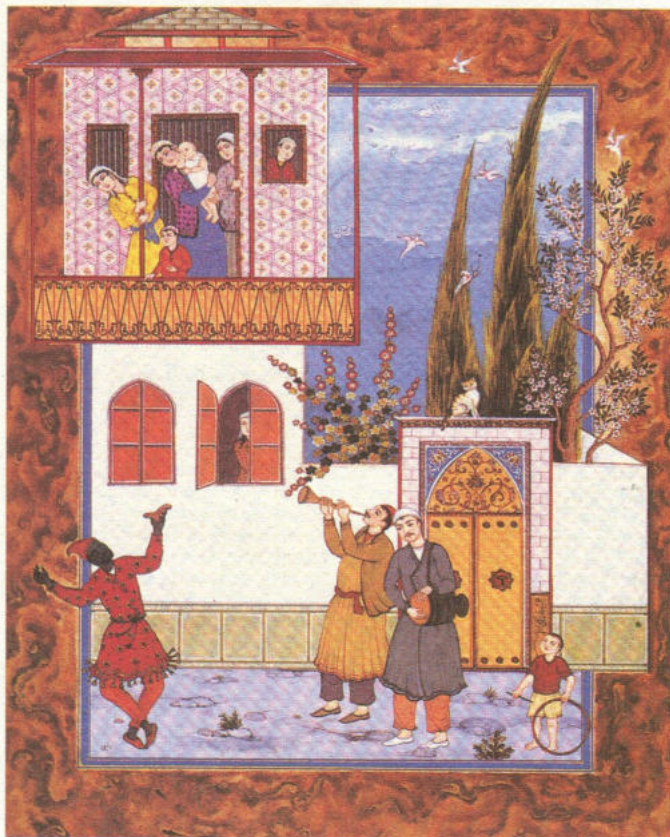
АБДУЛ-ХУССЕЙН ЗАРРИНКУБ

ДЛЯ всех, живущих в Иране, каковы бы ни были их религиозные верования, язык или место рождения, самый любимый праздник — Ноуруз (Новый год). Не связанный с мусульманским лунным календарем, он возмещает в день весеннего равноденствия (21 марта) начало «солнечного года». Ноуруз, длящийся около двух недель, — самый продолжительный из всех иранских праздников; обряды его богаты символическим содержанием.

В его церемониале мы находим ритуалы, связанные с доисламскими праздниками, а также традиции, привнесенные людьми неиранского происхождения, например евреями, и заимствованные в более отдаленных странах.

За две недели до Ноуруза обычай велит, чтобы в доме была приготовлена тарелка с проросшими злаками (пшеницей, ячменем или чечевицей) в знак хорошего урожая или как залог плодородия. Затем следуют два больших празднества, которыми отмечены последние дни года и начинается подготовка к самому Ноурузу.

С наступлением сумерек в последнюю среду старого года поджигают собранные ветки сухого колючего кустарника. Все — мужчины и женщины, молодежь и старики — прыгают через костер, выкрикивая: «Гори, огонь! Огонь! Огонь! Пусть твой румянец придет ко мне, а моя желтизна уйдет к тебе!» Пламя символизирует здесь солнце. Обращаясь к дремлющему светилу, которое не отваживается соперничать с огнем, чтобы оно ярче сияло, люди тем самым побуждают его сбросить зимнее оцепенение. А когда костер гаснет, с крыш домов начинают кидать наполненные водой или чем-нибудь еще глиняные горшки, повторяя: «Горе и боль!» Поскольку по традиции среда считается роковым днем, это заклинание должно изгнать злую судьбу и отвратить от дома несчастье.

«Ноуруз» (1984).
Художник Мортеза Рафин.

члены семьи молятся о том, чтобы год был удачным. Читают вслух Коран, чтобы семье было послано благословение и счастье. Затем едят лакомства, дабы год был так же сладок, как и их вкус.

Блюдо «семи син» включает семь продуктов, название которых на персидском и турецком языках начинается на букву «син», являющуюся начальной в персидских словах «сабз» (зеленый) и «саджд» (белый), которые обозначают цвета, символизирующие один — весну и обновление, а другой — изгоняющий злых духов. В настоящее время традиция изменилась: каждый волен по своему усмотрению выбрать семь элементов, воплощающих обновление, созидание, изобилие и богатство. Как и у вавилонян и евреев, число семь является священным и связано с идеей Творения — главной в символике Ноуруза.

В канун Нового года во дворе дома или на террасе устраивают фейерверк. Его огни олицетворяют борьбу между печальной, сумрачной зимой и светлой, радостной весной. Победа огня над тьмой воплощает момент,

В этот день пытаются узнать будущее. Существуют различные формы толкования предзнаменований. Например, женщины, желающие иметь ребенка, девушки, еще не нашедшие мужей, мужчины, стремящиеся к успеху в делах или женитьбе, выходят на улицу, на перекрестки или подходят к дверям домов и слушают, о чем говорят незнакомые люди. Случайно услышанные слова они истолковывают как предзнаменование и с помощью зарок и молитв стараются отвести от себя злую участь. Еще один обычай: женщины и дети, переодевшись и закрыв лица, в сумерки выходят на улицу, неся в руках пустой мешок, они подходят к чужим домам и стучат ложкой в двери до тех пор, пока им не откроют и не подарят что-нибудь.

Второе празднество в конце года — День поминовения. В последний четверг на кладбищах раздают милостыню и подарки: деньги, еду, сладости или новую одежду, — чтобы у

бедняков тоже был праздник. В тот же день проводят основательную уборку дома, что является остатком доисламской традиции. Так, живые стремятся отдать дань уважения предкам и снискать их благоволение.

Очищение и фейерверк

Генеральная уборка перед Новым годом включает обновление дома и вещей: от погреба до чердака, от ковров до постельного белья. Все это должно очиститься на заре новой жизни, как и сам человек, совершающий омовение тела и лица и облачающийся в новые одежды.

В день новогоднего праздника на «скатерть Ноуруза», перед зеркалом, освещенным свечами, для всех домочадцев ставятся тарелка с проросшими зернами, блюдо «семи син», Коран, чашка молока, чашка простокваши, а также кладутся деньги на новогодние подарки. В ожидании наступления Ноуруза все взрослые

АБДУЛ-ХУССЕЙН ЗАРРИНКУБ,
иранский ученый, специалист
по восточной литературе;
профессор истории
в Тегеранском университете.
Автор более тридцати книг.
Его последняя работа
посвящена творчеству
персидского поэта Хафиза.

когда на мир мглы наступает мир света, с которого и начинается Творение.

Возвращение в рай

Утром великого дня детям дарят золотые монеты и пирожные, а также крашенные или обернутые в цветную бумагу крутые яйца. Их варят с луковой шелухой, ореховой скорлупой или соломой, что придает им коричневую, зеленую или желтую окраску. Будучи символами обновления мира, они являются и залогом изобилия.

Первые тринадцать дней года — время развлечений: дети только и думают что об играх, а взрослые ходят друг к другу в гости. Эти дни радости предназначены для возврата к первоначальному равенству и чистоте. Возобновляются отношения с друзьями и соседями. Люди посещают как высокопоставленных знакомых, так и обездоленных. Заканчивается траур по умершим в истекшем году. Отбрасываются многие условности, но вольности, конечно, не позволяют, смягчаются социальные различия: богатые и бедные готовят одинаковую пищу, их ждут одинаковые развлечения, и те и другие

облачаются в новую яркую одежду. На полях и предприятиях останавливается работа. Совершаемые обряды напоминают о потерянном рае — первоначальном земном рае, где божественное дыхание наполняло людей чувством братства и равенства.

«Тринадцатый день вне дома» проводят на улице и изгоняют из города демона холода. А еще идут на реку и бросают в воду злаки, проросшие в тарелке. Внимательно изучив ростки, по ним предсказывают, какой будет погода в течение всего года.

Этот день и должен знаменовать счастливое начало года. Вместе с соседями и друзьями люди отправляются за город; там они устраивают трапезу и обычно едят приготовленный в горшочке суп с лапшой и разные блюда из риса с соусом. Затем ходят смотреть на реку, ставшую более полноводной из-за таяния снегов. Молодые люди играют в традиционные игры, а девушки плетут травы и тихонько напевают: «В тринадцатый день будущего года в доме мужа с младенцем на руках!» В этот день не должно быть никаких ссор.

Каково бы ни было их происхождение, во всех обрядах Ноуруза постоянно

Стол с ритуальными предметами для празднования Нового года в Иране.

янно присутствует один элемент: борьба света и тьмы, что соответствует традиции зороастризма с его дуалистическим началом. Не случайно предание связывает возникновение этого праздника с именами Джемшида и Феридуна — легендарными царями и божественными героями, восторжествовавшими над темными силами. Ислам воспринял этот праздник, что объясняется его ролью

в стабилизации финансового года, а также веселым и жизнерадостным характером церемоний, которые так любили при дворе халифов и султанов. Наконец, пение и музыка, сопровождающие Ноуруз, объясняют интерес, проявляемый суфистами к этому празднику.

КАРНАВАЛ В ЛУАНДЕ

ДОМИНГУШ ВАН-ДУНЕМ

Часть моего детства прошла в бедном квартале Луанды, носившем название «Марсал», где говорили: «Ребятишек моют только в дождь, когда наполняется лагуна Мореира». Там пятьдесят с лишним лет назад вместе со своей семьей я испытал ни с чем не сравнимое чувство единения с народом, принимая участие в Луандском карнавале.

Город делился на районы, каждый из которых имел свою традиционную труппу — так называемую турмаш со своим королем. Такие труппы были душой и сердцем карнавала. Самыми знаменитыми из них считались «О Согаção» («Сердце») и «Os Invejados» («Ребята на зависть»). Во время праздника между участниками трупп завязывались своего рода словесные перепалки, казакуты, которые и по сей день остаются самой харак-

терной формой луандского фольклора.

Труппу собирали в декабре и начинали репетировать карнавалы песни. Их пели либо на кимбунду, одном из местных диалектов, если их содержание было необычным или сатирическим, либо на португальском (или на обоих языках), если в них не содержалось особых выпадов или намеков. Репетиции певцов и танцоров проходили в секрете от окружающих в частных домах или в специально снимаемых залах. Разглашение тайны строго наказывалось.

На карнавал работали даже свои ремесленники, особенно мастера художественной обработки металла. До сих пор помнят у нас, например, о Домингуше Венену («венепу» значит «ядовитый»). Этот художавый парень, большой любитель подра-

ся, славился изготовлением необыкновенных светильников и других предметов, украшенных изображениями богов и амулетами, которые готовил в глубочайшем секрете. Он был преданным болельщиком труппы «О Согаção» и работал исключительно для нее. Художники и портные также сохраняли тайну и всегда трудились лишь для своей любимой труппы.

Первая публичная репетиция проводилась в первое воскресенье января, а генеральная — в субботу перед Великим постом, который начинался со среды, люди молились тогда, чтобы карнавал прошел «в мире и спокойствии». Молитвы, правда, не всегда помогали, и между турмашами нередко проходили жестокие потасовки.

Ранним воскресным утром у ворот городских районов среди толпы воз-

бужденных ребятишек взвивались красочные стяги турмашов. Затем под крики и аплодисменты рослые парни несли их к центру города. По пути к Амбуилашу, спортивной площадке в центре открытого пространства, где маршировали, красуясь, соперничающие труппы, к процессии присоединялось все больше людей. Победителем признавался тот, кто заслужил наибольшее аплодисменты, и принятое решение никогда не оспаривалось.

К полудню пустели все городские дома: никто не мыслил себя вне праздника. Приезжали даже из других городов. Оживление царило повсюду. Люди с восторгом разглядывали участников турмашов, надевших дьявольские маски и пестрые костюмы. Свист, звуки труб разрывали воздух, гремели барабаны, толпа дружно подпевала турмашам. А на Амбуилаше тем временем начиналось новое соревнование.

На суд публики представляют свои костюмы извечные соперники — труппа «O Coração» и «A Fineza» («Утонченные»).

Король «A Fineza», сапожник по имени Кама Лунду с выпученными от усердия глазами, держится величественно. Чуть наклонившись вперед,

он машет правой рукой, одетой в цинковую рукавицу (еще одна эмблема турмашов).

Вот появляется король труппы-соперника — Эпифаниу. Он тоже чуть склоняется вперед и угрожающе взмахивает рукавицей, которую он, слесарь, сделал собственноручно. Оба короля гордо поднимаются на возвышение, демонстрируя свои великолепные костюмы, напоминающие королевские одеяния средневековой Европы. На головах у обоих блестят цинковые короны (мы называли их шлемами). Каждый из них старался превзойти соперника великолепием головного убора.

Тем временем пляски уже идут полным ходом. Над танцующими возвышаются короли, восседающие на тронах, в окружении своих приближенных: одни из них наряжены в черные мантии, одежду студентов, которыми они никогда не станут, другие — в медицинские халаты врачей. Затем все направляются к дворцу, чтобы выразить почтение губернатору, который вместе с почетными гостями выходит на балкон дворца и приветствует участников празднества.

Самый лучший из дней карнавала — вторник. Суета не стихает ни на минуту: повсюду огромные толпы

людей, все с наслаждением погружаются в атмосферу буйного веселья. Любители словесных турниров пробуют силы в казакутах, и смех сотрясает воздух, когда участники вышучивают друг друга и присутствующих, иронизируют над превратностями жизни.

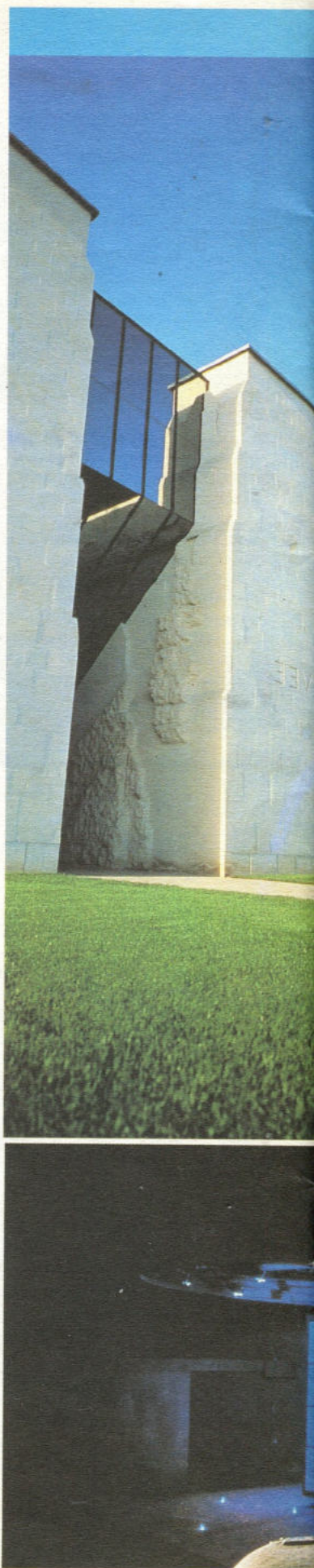
Там блещут остроумием прачки, издеваясь над «дамами», которые еще вчера были скромными служанками, а здесь зеленчики «воюют» с покупателями, недовольными плохим качеством и высокой ценой овощей.

Губернатор объявлял вторник праздничным днем, и все мы веселились так, словно это наш последний миг, словно удовольствия несравненного карнавала не повторятся уже больше никогда... Вот отчаянно бьет в консервную банку мать, потерявшая в суматошной толпе сына, вот девушки в красивых белых домино, яркие, словно бабочки, привлекают к себе взгляды незнакомых юношей, пробуждая ревность возлюбленных.

Так гремел карнавал до среды — начала Великого поста, когда ели мабангаш, маленьких рачков, приносящих удачу.

Артисты были уже в изнеможении. Маски истрепались, того и гляди развалятся, и четверо мужчин, разложив на земле полотенца, собирают деньги, чтобы купить мабангаш, которых в наших местах великое множество. Готовится обильная трапеза, и, наслаждаясь ею, люди подводят итоги минувшего года, строят планы на будущее.

ДОМИНГУШ ВАН-ДУНЕМ, ангольский журналист; писатель и автор социолингвистических исследований. В настоящее время посол Анголы во Франции и Постоянный представитель этой страны в ЮНЕСКО. Среди его последних работ пьеса «O panfletto» (1988).

МУЗЕЙ МИРА В НОРМАНДИИ

ГОВАРД БРАБИН

ЕСЛИ вы будете стоять в заросшей травой каменоломне, которая находится теперь в саду Мемориального музея мира в нормандском городе Кан во Франции, вы, возможно, заметите там самое обычное молоденькое дерево.

Высотой около двух метров, оно ничем не отличается от своих собратьев, разве что прикрепленная к нему табличка поясняет любопытным, что это дар народа Соединенных Штатов, знаменитое калифорнийское мамонтовое дерево (*sequoia sempervirens*), самое высокое растение в мире, которое когда-нибудь перерастет своих соседей, поднявшись на высоту свыше 90 м...

Музей мира в Кане был открыт в 1988 г., чтобы увековечить память тех, кто пал в «битве за Нормандию» (1944) — в одном из крупнейших сражений в истории человечества. Он создан также в честь жителей Кана, разрушенного до основания в ходе битвы.

Но это не обычный мемориал, не еще один военный музей, экспонаты которого, проржавевшие реликвии прошедшей войны, говорят о торжестве над поверженным врагом. Это скорее памятник упорному стремлению человека защитить свою свободу, своеобразная лаборатория, где изучаются причины возникновения и пути предотвращения вооруженных конфликтов. А сегодня этот музей постепенно становится и первым на планете Университетом Мира.

В начале этого года 34 американских студента соберутся со всей страны в уни-

верситете штата Техас в Остине, чтобы впервые принять участие в учебной программе «Нормандия», задуманной группой ведущих американских ученых-историков и осуществляемой при содействии фонда «США—Нормандия». Они проведут четыре недели в университете Техаса, восемь недель — в Музее мира в Нормандии и затем вновь две недели — в Остине.

Как говорит Энтони Стаут, председатель фонда «США—Нормандия», отец которого вместе с генералом Эйзенхауэром готовил и осуществлял операцию по высадке в Нормандии, «идея нового курса является изучение второй мировой войны как «исторического примера», для того чтобы понять, каким образом люди, не желавшие военного конфликта, оказались все-таки втянутыми в него».

Такой исторический подход потребует исследования условий, существовавших в Европе перед, во время и после обеих мировых войн, с целью найти ответы на следующие вопросы:

- Как случилось, что вторая мировая война разразилась столь скоро после первой и участниками ее были практически те же страны, и можно ли было ее избежать?
- Почему союзники так долго не оказывали должного сопротивления нацистам?
- Какое влияние на приближение войны оказала экономическая ситуация в мире?
- Какую роль сыграла пресса, церковь и другие общественные институты?

Многие вопросы, возникшие в результате последней мировой войны, так же актуальны сегодня, как и в 1939 г. Боль-

шинство из них и сейчас составляет ядро тех проблем, которые стоят перед нынешними лидерами мирового сообщества и, по-видимому, будут волновать человечество и в грядущем столетии.

На первоначальном этапе программа нового учебного курса будет состоять из четырех основных разделов: экономика; культура и развитие научной мысли во Франции в общеевропейском контексте начиная с 80-х годов прошлого века; оценка роли средств информации; а также изучение национальных политических и стратегических замыслов накануне и в ходе второй мировой войны.

Музей мира — идеальное место для проведения исследований такого рода. Построенный на окраине Кана, который находился в самом центре «битвы за Нормандию», неподалеку от места высадки союзных войск, он стоит на том месте, где в подземном бункере располагался командный пункт генерала Вильгельма Рихтера, командира 716-й немецкой пехотной дивизии, той самой что столкнулась с продвигающимися к Кану объединенными англо-канадскими силами. Здесь до сих пор можно встретить людей, помнящих фашистскую оккупацию и «битву за Нормандию», продолжавшуюся 76 суток.

Посетители музея совершают необычное «путешествие в историю», отправной точкой которого служит подписание перемирия в 1918 г. Спускаясь по спиральному пандусу внутри гигантского «цилиндра», они видят впечатляющую экспозицию — фотографии, плакаты, различные аудио-

визуальные композиции, охватывающие период 1918—1938 гг. Раскрывается картина «крушения мира и восхождения диктаторов», охватывая не только политические события (например, приход к власти Гитлера или аншлюс Австрии), но и годы Великой депрессии, краха Уолл-стрит в 1929 г., «золотой век джаза».

Пандус ведет еще ниже, под большой черный купол, где в мрачном фиолетовом свете перед посетителями предстает огромная фотография Гитлера, слышится его невнятная, но угрожающая речь. Мир, как кажется, достиг глубин отчаяния.

Покинув цилиндрический зал, посетители проходят по лабиринту комнат, где последовательно раскрываются темы поражения Франции в 1940 г., нацистской оккупации и режима правительства Виши, рассказывается о казнях заложников и борцов Сопротивления, о голоде. Они видят вступление в войну США, эпизоды «тотальной войны», жизнь в концентрационных лагерях, перед ними проходят судьбы депортированных, картины массового истребления евреев в Европе. Наконец, следуют снимки и фильмы, показывающие ключевые моменты войны: «битва за Англию», сражения за Мидуэй, Эль-Аламейн, Гуадалканал и Сталинград.

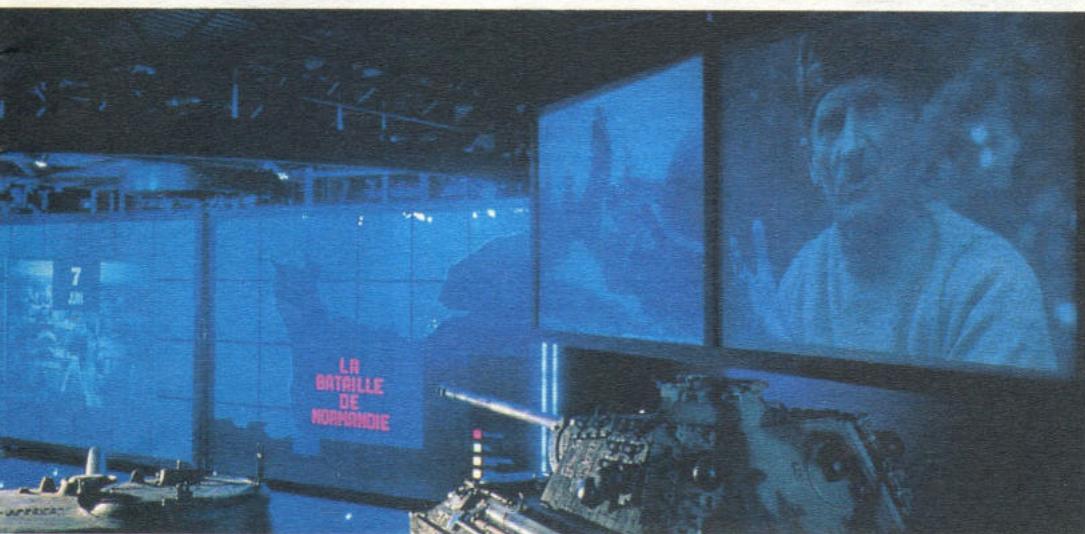
Затем посетители попадают, возможно, в самый привычный раздел музея: здесь выставлены оружие и военная техника. Хорошо видно, как нужды войны подтолкнули технический прогресс.

Дальше они поднимаются по небольшой лестнице и оказываются в зале, где на разделенном надвое широком экране демонстрируется одновременно два документальных фильма о высадке в Нормандии: один снят союзниками, другой — нацистами.

Завершает посещение музея показ фильма о борьбе за свободу и прав человека; это своего рода кульминация философского смысла экспозиции, призыв к миру и надежде.

Рассказывая о музее, один из его основателей, сенатор и мэр Кана, Жан-Мари Жиро, пишет: «Мы хотели пробудить сознание всех, приходящих в музей, из какой бы страны они ни приехали, чтобы всем стало понятно, что в наши дни, как и в прошлом, свободу окружает трагедия. Именно поэтому необходимо, чтобы каждый прикладывал свои усилия для дела мира, братства и солидарности».

Благородные цели Мемориального музея мира нашли достойное воплощение: в его стенах нет места восхвалению войны, здесь учат миру.

ГОВАРД БРАБИН,
английский писатель и
журналист, живущий в Париже.
Бывший редактор журнала
«Курьер ЮНЕСКО» на
английском языке.

Письма читателей

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВИЛИ:

1-а с. обл.: Príncipe © "Unesco Courier". 4-а с. обл., с. 24, 25 (верху): © Charles Lenars, Paris. C. 2: © Delia Nino, Paris. C. 5, 6, 7: © "Cahiers du cinema", Paris. C. 8: SCALA, Florence. C. 10, 12 (верху и низу): © Musée de l'Homme, Paris. C. 10—11: D'Estable © Musée de l'Homme, Paris. C. 11 (верху): D. Ponsard © Musée de l'Homme, Paris. C. 13 (верху слева и справа, низу), 14 (слева), 15, 26, 28, 29, 32, 34 (верху), 35 (низу), 37, 42 (верху), 43 (верху и низу): © Bibliothèque nationale, Paris. C. 13 (в центре): © Peter Clayton, United Kingdom. C. 14 (справа), 34 (низу): Roger Viollet, Paris. C. 16—17: © René Pancheron © Artepht, Paris. C. 17: Fred Mayer © Magnum, Paris. C. 18 (слева): René Burri © Magnum, Paris; (справа): J.M. Fatu © Jacana, Paris. C. 19: S. Cordier © Jacana, Paris. C. 20: George Rodger © Magnum, Paris. C. 21, 25 (низу): Oster © Musée de l'Homme, Paris. C. 22, 23: R. König © Jacana, Paris. C. 26—27: Amedeo Vergalli © Rapho, Paris. C. 30: H. Gruyaert © Magnum, Paris. C. 31: © Sotheby's Inc., New York. C. 32—33: © Réunion des musées nationaux, Musée du Louvre, Paris. C. 35 (верху): Nima-tallah © Artepht, Paris. C. 36—37: © Isia Leviant, Paris. C. 38 (верху): © Boyer Viollet, Paris. C. 38 (в центре), 38—39: Collection Viollet, Paris. C. 39 (верху): © Harlingue Viollet, Paris. C. 40: Gigli © Rapho, Paris. C. 41: Allan Cartuthers © Cosmos, Paris. C. 42 (низу), 43 (в центре): © Jean-Loup Char-met, Paris. C. 43 (низу): © Archives Ringart, Paris. C. 44: Dejardin © Rapho, Paris. C. 46, 47 (верху): © Morteza Rafii, Paris. C. 47 (низу), 48: © Photobèque DIP/MPLA-PT, 1980 из южной "Angola, Trabalho e Luta", C. 48, 49: © Patricia Canino.

Унаследованные и приобретенные качества

Мне очень не понравилось заявление Жака Ричардсона в его статье о картировании генома человека (раздел «Наука и общество», ноябрь 1989 г.): «Геном потомства представляет собой комбинацию родительских генов, определяющих его пол, рост, цвет волос и кожи, предрасположенность к тем или иным заболеваниям, продолжительность жизни, умственные способности, наклонности, одаренность».

Я не эксперт в биологии, но с давних пор интересуюсь этим предметом, особенно генетикой и открываемыми ею перспективами. В соответствии со всеми прочитанными мною специальными книгами мысль о том, что ум, способности и даже вкусы людей определяются их генетическим кодом, в большей степени относится к идеологии, чем к науке.

Мне известно, что «подписанные» статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала, но я боюсь, что эти несколько слов чреват слишком серьезными последствиями для человечества, чтобы оставить их без комментария.

Кристоф Меслен
Атис-Монс, Франция

Журнал для любознательных

Мне 32 года. Я работаю на заводе. Уже несколько лет читаю ваш журнал, а с этого года стала его подписчицей. Издатели стремятся изменить содержание журнала в соответствии с требованиями времени. Как читатель я понимаю и приветствую такое стремление. Для меня «Курьер ЮНЕСКО» — один из самых главных источников информации о всей планете... Мне нравится, что каждый номер посвящен чему-то одному, но вместе с тем ощущается целостность... Журнал всегда отличался изяществом и оригинальным внешним видом... Но вот я увидела два номера, где название напечатано непомерно громадными буквами... и тут же изменился облик журнала. Исчезло благородство... Нарушился весь ритуал общения с журналом.

Первое чувство, которое испытываешь, когда видишь в киоске свежий номер, — неподдельный интерес. Чему

он посвящен? Ваш журнал издают любознательные люди для любознательных читателей...

Ирина Скворцова
Рыбинск, СССР

Послание мира из Анатолии

В преамбуле к уставу ЮНЕСКО говорится: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира».

Я не знаю, какой может быть третья мировая война, но в четвертой, как говорил Эйнштейн, будут сражаться палками и камнями. Две прошлые мировые войны принесли человечеству огромные страдания, но люди все продолжают воевать. Это — позор!

Единственный выход — это воспитание. С раннего детства молодых людей следует воспитывать в духе мира. Молодежь должна ненавидеть войну, должна протягивать цветы и оливковые ветви как символ мира тем, кто хочет войны. Война не должна восторжествовать над разумом.

Орхан Ватансевер
Анатолия, Турция

Идея спасения мира

Тема журнала (июль—август, 1989 г.) называлась «1789. Идея, которая преобразила мир». Однако сегодня, два столетия спустя, стало очевидным, что мы остро нуждаемся в новых идеях, если хотим обеспечить свое выживание на планете.

Проблема окружающей среды и региональные конфликты — вот неотложные задачи, стоящие перед человечеством. Странно, что авторы, которые время от времени поднимают эти проблемы, всегда воздерживаются от одного логического заключения, а именно что у людей есть единственно реальный путь предотвращения мировой катастрофы и он в создании Всемирной федерации.

Мысль эта отнюдь не нова. Сорок лет назад Альберт Эйнштейн считал, что в любом случае эта федерация возникнет...

Настала пора сделать усилие и стряхнуть с себя равнодушие, прежде чем наш всеобщий корабль «Титаник» ввергнет человечество в эпоху полного мрака или пойдет ко дну, обрекая нас на вечное забвение.

Зеев Рафаэль
Хайфа, Израиль

Восстановить истину

Мне бы хотелось высказать некоторые замечания по поводу интересного интервью с моим коллегой Рошди Рашедом об арабской математике, которое было опубликовано в январском номере вашего журнала («Волшебный мир математики»).

Если я правильно понял, автор объединяет в группу «арабских математиков» всех ученых, чьи труды были написаны и опубликованы на арабском языке. Конечно, это удобный прием, поскольку большинство ученых и мыслителей исламского мира пользовались арабским языком.

Однако, на мой взгляд, следует помнить, что некоторые из них, хотя и писали по-арабски, арабами не были. Так, упоминавшиеся в статье Рашеда Хорезми (а не аль-Хорезми) и Хайям (а не аль-Хайям) были иранцами. Более того, часть из них писали стихи на своем родном языке. Рубай Хаяма — это памятник персидской, а не арабской литературы.

Я не стою на шовинистических позициях, но поднимаю этот вопрос, чтобы восстановить истину и прежде всего подчеркнуть, что исламский мир выходит далеко за пределы арабской культуры.

Янн Ришар
Шатне-Малабри, Франция

Берлиоз и «Энеида»

К сожалению, Жан-Поль Бриссон в своей статье «Троянец, решивший судьбу Рима» (ноябрь, 1989 г.) не упомянул единственное значительное произведение современности, основанное на «Энеиде», а именно оперу Гектора Берлиоза «Троянцы». Берлиоз прекрасно знал латинский текст «Энеиды» и использовал его в сюжете своей оперы, являющейся вершиной творчества композитора.

Творчество Берлиоза все еще слишком мало известно, даже в его родной Франции! Не мог бы «Курьер ЮНЕСКО» рассказать о нем в одном из своих ближайших номеров?

Жан-Мишель Кузен
Со, Франция

Научный консультант
русского издания —
кандидат
экономических наук
Рысин В. Т.

43-й год издания

Публикуется ежемесячно на 35 языках
и шрифтом Брайля
ЮНЕСКО—Организацией Объединенных Наций
по вопросам образования, науки и культуры.

31, rue François Bonvin, 75015 Paris, France.

Директор: Бахат эль-Нади
Главный редактор: Адель Рифаат

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ (Париж)

Ответственный секретарь: Джиллиан Уиткомб
русский яз.: Георгий Зеленин
английский яз.: Рой Малкин, Каролин Лоуренс
французский яз.: Ален Левак, Неда аль-Хазен
испанский яз.: Мигель Лабарка,
Арасельи Ортис де Урбина

арабский яз.: Абдель Рашид аль-Садек Мухаммади
Научная информация: Фернандо Аинса

Оформление: Жорж Серва
Иллюстрации: Ариен Бейли
Документация: Виолетт Рингельстайн
(т.: 45. 68. 46. 85)

Связь с национальными редакциями:
Соланж Белен

Секретариат: Анни Брассе, Муна Чатта,
Клоди Дюамель

Реализация: Генри Кнобил (т.: 45. 68. 45. 88)

Подборка статей шрифтом Брайля на английском,
французском, испанском и корейском языках:
Мари-Доминик Бурже

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ

украинский яз.: Владимир Васильюк (Киев)

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)

итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)

язык хинди: Шри Кришна Кумар Сингх (Дели)

язык тамиль: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)

персидский яз.: Садул Ванини (Тегеран)

голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)

португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мехра Ильгизер (Стамбул)

язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)

каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марті (Барселона)

малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)

корейский яз.: Пак Сен Гиль (Сеул)

язык суахили: Доминио Рутазесибва (Дар-эс-Салам)

хорватско-сербский, македонский,
сербскохорватский, словенский языки:

Божидар Перкович (Белград)

китайский яз.: Шень Гофань (Пекин)

болгарский яз.: Горан Готев (София)

греческий яз.: Николас Палагеогиу (Афины)

сингальский яз.: С. Дж. Суманасекера Бандра (Коломбо)

финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)

шведский яз.: Манни Кёслер (Стокгольм)

баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)

тайский яз.: Савитри Суванасатхит (Бангкок)

вьетнамский яз.: Зао Тунг (Ханой)

язык пушту: Эмарай Мохакки (Кабул)

язык хауса: Халиб аль-Хасан (Сокото)

язык бенгали: Абдулла А. М. Шарифуддин (Дакка)

При перепечатке материалов обязательна ссылка
на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора.
Подписанные статьи выражают мнение их авторов,
которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО
и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки
готовятся сотрудниками редакции.

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО»
на русском языке с 1957 года осуществляется
ордена Трудового Красного Знамени издательством
«Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР
по делам ЮНЕСКО.

ISSN 0374-3150

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛОВ ЮНЕСКО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главный редактор: А. Мельников
Заместители главного редактора:
И. Брычев, Д. Фикс

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»

Редактор русского издания: И. Уткина

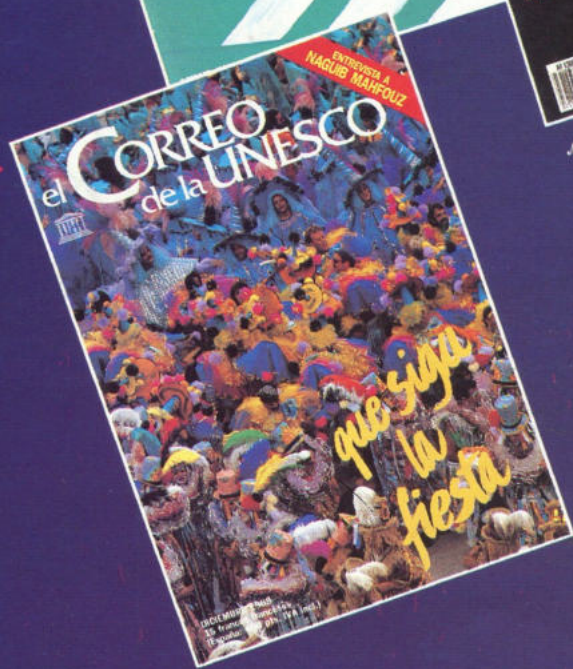
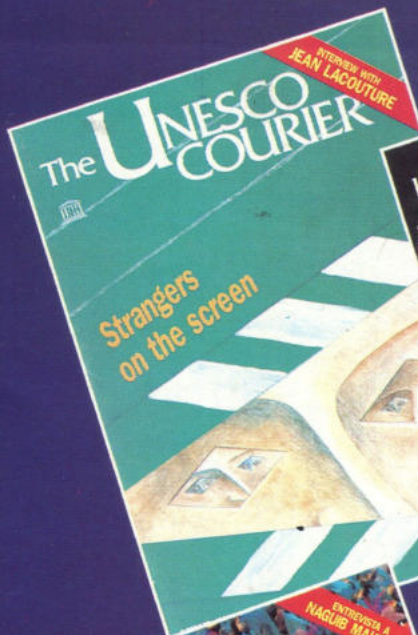
Редакторы: М. Борисова, О. Гребенюк

Художественное и техническое редактирование:
В. Паленцева

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3,
Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17, т.: 247-18-40.

Орден Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати.
Зак. 983.

Подписавшись на «Курьер ЮНЕСКО», вы сделаете себе сразу три подарка

1

Вы станете обладателем уникального
международного издания, выходящего на 35
языках в 120 странах мира

2

Вы получите возможность шаг за шагом
открывать для себя удивительное
многообразие мировой культуры и
накопленного человечеством знаний

3

Вы станете непосредственным участником
деятельности ЮНЕСКО по обеспечению
«всеобщего уважения к справедливости,
законности, правам человека и основным
свободам... без различия расы, пола, языка или
религии...»

ИНДЕКС ЖУРНАЛА—70458.
СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ В 1990 Г.
НА 6 МЕСЯЦЕВ — 4 РУБ. 20 КОП.,
НА 3 МЕСЯЦА — 2 РУБ. 10 КОП.
СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ
НА 1991 Г. — 12 РУБ.

